

Бирюльга.

ПОЭЗИЯ ФРАНЦИИ

1915 г. Пробуждение № 22-й

1916 г.

11-ый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный, единственный въ Россіи
Художественно-Литературный и научный журналъ
съ роскошными картинами въ краскахъ,
орнаментами, тисненіемъ и стильными украшеніями

ПРОБУЖДЕНІЕ

□ □ □ При каждомъ № приложенія книгъ. □ □ □
Ежемесячно цѣнныя художественныя преміи.
= Громадная галлерей картинъ въ краскахъ. =

ПОДПИСАВШЕСЯ НА 1916 ГОДЪ ПОЛУЧАТЬ:

24 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА
по образцу рѣдкихъ въ
Европѣ многокрасочныхъ
художественныхъ изданій.

50 КАРТИНЪ: въ краскахъ,
автотипіи, фототипіи,
«олеографіи и др.»

24 КНИГИ: романы извѣстн. русскихъ писателей **24**

12 роскошныхъ декоративныхъ премій:

ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
Альбомъ Картинъ-Пано
въ краскахъ, въ великолѣпной папкѣ.

ИЗЯЩНЫЙ БЛОКЪ-НОТЪ
для кабинета, крытый атласомъ,
съ барельефомъ Гр. Л. Н. Толстого.

КРАСИВЫЙ БОЛЬШОЙ БЮВАРЪ
— для письменнаго стола —
съ орнаментами на изящныхъ крышкахъ.

АЛЬБОМЪ ДЛЯ ГОСТИНОЙ,
для стихотвореній и автографовъ
знакомыхъ, съ многокрасочными
украшеніями, въ неподражаемой
по красотѣ папкѣ.

ДЛЯ ПОРТРЕТОВЪ - ФОТОГРАФІИ
роскошный семейный альбомъ, укра-
шенный рельефными гирляндами гли-
циній, акацій, на лакированномъ подѣ
— черное дерево переплетѣ.

ЧЕТЫРЕ СТѢННЫХЪ КАРТИНЫ
въ золотыхъ багетныхъ ра-
махъ изъ папье-маше. Первая мо-
дели превосходнѣйшей имитациі ба-
гетныхъ рамъ.

2 ДВА БОЛЬШИХЪ ЛѢСНЫХЪ ПЕЙЗАЖА, **2**
чарующихъ дивной гармоніей красокъ.
1. Утро въ лѣсу. 2. Лѣсная сумерки.

Популярн. художника А. КАУФМАНА. Размѣръ картинъ 73×31 сантим.

НЕБЫВАЛАЯ ВЪ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:
РОСКОШНАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА НА ХОЛСТѢ,
воспроизведенная масляными красками, полная поэзія.

Первыя Гроздья Сирени.

Извѣстн. художн. ГАРТВИГА. ◀ ▶ Размѣръ картины 52×35 сантим.
Работы поставщи. Дв. Его Императорскаго Велич. Р. Голике и А. Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 10 руб.; на полгода 5 руб.;
Разрочка платежа: При подпискѣ 3 руб., въ мартѣ 2 руб.,
въ июнѣ 3 руб., въ сентябрѣ 2 руб.

Пробный № высылается за 40 коп. почт. марками.
Редакція журнала „Пробужденіе“, ПЕТРОГРАДЪ,
Суворовскій пр., собств. домъ, 41.

Редакторъ-Издатель **Н. В. КОРЕЦКІЙ.**

15-го Ноября 1915 г.

ОСЕННИЕ ЭСКИЗЫ.

ЦВѢТЫ НА ОКНѢ.

А. М. Федорову.

Безсолнечный, холодный, сѣрый день.
Съ утра въ саду туманно и тоскливо.
Блеститъ роса на мраморъ ступень,
И осыпаются платаны сиротливо.

Гляжу въ окно, и полосой свинца
Мнѣ море кажется во мгль, за мысомъ
дальнимъ.

Природа ждетъ безропотно конца
И одъвается багрянцемъ погребальнымъ.

А на окнѣ — послѣдніе цвѣты...
Ихъ спасъ поэтъ въ саду, отъ ранней
смерти.

Этюдники... Помятые холсты...
Да чья-то шляпа на мольбертѣ.

ТИШИНА.

Зацѣпивши листьевъ ворохъ
Легкой тростью на ходу,
Сталь — и слышу нѣжный шорохъ
Въ умирающемъ саду.

Сквозь узоръ зеленыхъ сосенъ,
Сквозь багровый виноградъ,
Золотитъ на солнцѣ осень
Облетѣвшій, тихій садъ.

Воздухъ чистъ передъ закатомъ,
Небо — блѣдная эмаль,
И въ туманъ розоватомъ
Дремлетъ море — словно сталь.

Я стою... А на дорожкѣ,
Мягкой, тонкой отъ воды,
Чьи-то маленькія ножки
Отпечатали слѣды.

Валентинъ Катаевъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 22-й.

Центральная библиотека
и м. Грива
и м. Зап

З А Р Я.

Сторонися, захудалая,
Деревенская нужда!—
Запылала заря алая
Знаній, трезвости, труда.

Смолкла пѣсня, пѣсня пьяная..
И для матушки-Руси
Вышло солнышко румяное,
Спящихъ къ жизни воскресивъ.

Время ночь разсѣять темную,
Освѣтить сырое дно,
Бросить въ почву черноземную
Благородное зерно:

Чтобы снова стали чуткими
Ожидавшіе весны,
Чтобъ снопами, незабудками
Всѣ поля были полны.

И. Мукосъевъ.

ГАДЪ.

Разсказъ **А. И. Кулрина** *).

*Ахъ! только тотъ, любовь кто зналъ,
Кто зналъ свиданій жажду,
Пойметъ, какъ я страдалъ,
И какъ я стра-а-жду!*

Старинный романсъ.

Все это случилось въ Кіевѣ, въ Царскомъ саду, между іюнемъ и іюлемъ. Только что прошелъ крупный, быстрый дождь и еще капали послѣднія капли... а я все ждалъ и ждалъ ее, сидя, какъ подъ шатромъ, подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ. Гдѣ-то далеко взывали хроматическія гаммы трамваевъ. Дребезжали извозчики. И въ лужахъ пестро колебались отраженія электрическихъ фонарей...

Ахъ, только тѣ люди, которымъ было когда-нибудь двадцать лѣтъ, поймутъ мое волненіе!

Она ясно, твердо и опредѣленно сказала: «отъ Минеральныхъ водъ, войдя въ калитку, первая скамейка направо, ровно въ десять часовъ вечера». Конечно, я пришелъ на условленное мѣсто въ девять часовъ, и долго подозрѣвалъ, что часы на городской думѣ идутъ очень медленно. Богъ знаетъ, можетъ быть, за ними никто не смотритъ? Нѣсколько разъ я бѣгалъ на улицу Крещатику и смотрѣлъ на освѣщенный циферблатъ. Но время какъ будто-бы остановилось. Остановилось именно мнѣ на зло. Иногда мнѣ приходила дикая мысль: можетъ быть, въ то время, когда я бѣгалъ смотрѣть на часы, она приходила, не нашла меня, разсердилась и ушла? Можетъ быть, она прошла мимо, а я не замѣтилъ? А, вѣдь, вопросъ шель о жизни и смерти. Мы должны были пойти къ моему другу и сказать ему: «Я честный человѣкъ. Я люблю твою жену, она любитъ меня. Обманывать мы тебя не хотимъ. Мы уходимъ вмѣстѣ».

Капли падали на землю все тише и рѣже. А можетъ быть, она ошиблась? Можетъ быть, назначила не ту калитку? Не ту скамейку? И перочиннымъ ножичкомъ я вырѣзываю на гнилой доскѣ: «былъ такого-то числа такого-то года отъ 9—10». А можетъ быть, просто она испугалась дурной погоды, или, забывъ о часѣ, спокойно пудритъ передъ зеркаломъ?

И, вотъ, наконецъ, вдали мелькаетъ чей-то тонкій черный си-

*) Перепечатка разсказа запрещается.

луеть. Конечно, это она! Сердце останавливается на секунду, и потом бѣшенный толчекъ, кружится голова и передъ глазами бѣгутъ какія-то огненныя звѣзды. Нѣтъ, это не она. Женщина говоритъ басомъ:

— Душка, штатскій, дозвольте прикуритьсѣ?..

И опять начинаются мученія. Я разговаривалъ сейчасъ съ этой женщиной, а, можетъ быть, она видала черезъ рѣшетку и изъ брезгливости ушла.

Конечно, хватаешься за мысль о самоубійствѣ. Вѣдь, смолоду это такъ легко дѣлается! Я опускаю голову на ладони, стискиваю лобъ и раскачиваюсь взадъ и впередъ. И вдругъ слышу рядомъ съ собой голосъ:

— Да, молодой человѣкъ, я тоже объ этомъ подумывалъ, когда мнѣ было столько же лѣтъ, сколько вамъ теперь...

Я даже не успѣлъ замѣтить, когда этотъ человѣкъ сѣлъ со мною рядомъ, но уже почувствовалъ, что голосъ у него печальный, и дорисовалъ его наружность: высокій ростъ, котелокъ, мокрые, усталые глаза и длинные, висячіе внизъ усы.

Я ему сказалъ кротко:

— Въ Царскомъ саду очень много скамеекъ. Почему облюбовали вы именно мою скамейку?

Онъ закурилъ, откашлялся и началъ, какъ будто-бы робко:

— Видите-ли. Вы сейчасъ ожидаете женщину, которая къ вамъ не придетъ, я въ этомъ увѣренъ. Потому что это я вижу по вашей молодости и по вашему нетерпѣнію. Она васъ, извините, только дурачить. А я просто-на-просто выслѣживаю одну даму: съ кѣмъ она сегодня пройдетъ,—съ военнымъ или штатскимъ.

— Пожалуйста, выслѣживайте кого угодно. Но помните, что я съ вами не знакомъ и выслушивать васъ не склоненъ. Неужели это ваша профессія, шпионить за женщинами?

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ! Эта женщина—моя жена. А я—гадь.

Теперь, представьте себѣ муки неудовлетворенной любви, двухчасовое ожиданіе, а рядомъ, изъ Минеральныхъ водъ, несутся звуки оркестра, играющаго антрактъ передъ четвертымъ дѣйствіемъ «Кармень». Представьте темноту въ саду и лужи, освѣщенныя фонарями—тамъ на улицѣ... И человѣкъ, котораго я не знаю, только чувствую въ темнотѣ, спокойно докладываетъ, что онъ «гадь»... Что-то скользкое, противное, холодное ползетъ по мнѣ... Не во снѣ-ли я?..

Но онъ, какъ будто-бы читая мои мысли, говоритъ:

— Собственно сказать гадъ,—это такое дурацкое слово... Моя профессія, т. е., вѣрнѣе сказать, я этого... того... прорицатель... предсказатель, то-есть гадалщикъ на картахъ и на другомъ, а здѣсь народъ все сѣрый, необразованный... Гадалку такъ и зовутъ гадалкой, а если мужчина—то гадъ. Вовсе не думайте, что это легкая профессія. Еще раньше было туда-сюда. Приѣзжаешь въ какой-нибудь городъ Проскуровъ или Крыжополь. Сейчасъ-же первымъ дѣломъ визитъ. Къ кому? Къ исправнику, къ станному приставу. Ну, конечно, ясно, барашка въ бумажкѣ... Въ офицерское собраніе завернешь...

Тамъ все народъ молодой и веселый... Покажешь имъ нѣсколько фокусовъ на картахъ, опыты шпагоглотанія, ксилофонъ съ карандашомъ на зубахъ, куплеты на злобу дня и еврейскіе анекдоты, и затѣмъ рискованый номеръ: капитанъ съ несгораемымъ желудкомъ, т. е. выпьешь стаканъ керосину и стекляннымъ блюдечкомъ закусишь. И они тебя напоятъ и накормятъ, а главное, не спрашиваютъ, откуда ты пришелъ

и куда идешь? Прекрасные молодые люди. Потому что сами по душѣ и по профессіи бродяги.

Но главное, вѣдь, для насъ то, что за это время я моей провинціальной публикѣ успѣлъ уже примелькаться. Сейчасъ же ѣду въ еврейскую типографію, которая печатаетъ «Крыжопольскій Курьеръ» въ количествѣ пятнадцати экземпляровъ, а также и визитныя карточки на ручномъ станкѣ. Договариваемся въ два слова. Дѣлаю тамъ кредитъ, кредитъ у парикмахера въ банѣ и въ гостиницѣ. И на другой день на всѣхъ заборахъ наклеены плакаты:

«Случайно, проѣздомъ черезъ этотъ городъ, лейбъ - магъ царя Персидскаго и придворный предсказатель Абиссинскаго короля Теръ-Абрамъ - Захарьянцъ дастъ нѣсколько сеансовъ чревовѣщанія и ясновидѣнія по способу извѣстной хиромантки Ленорманъ, а также мадамъ Тѣбу и метра Папюса; на картахъ, на бобахъ, по линіямъ рукъ рассказываетъ будущее, настоящее и прошедшее. Отъ многихъ коронованныхъ особъ личныя похвалы (факсимиле). Частныя приемы отъ 11 утра до 6 час. пополудни. Трудящемуся народу, нижнимъ чинамъ и ученикамъ значительная скидка. Замѣчательно! Рѣдко! Единственный случай увидѣть всю свою жизнь въ стаканѣ воды».

Съ мужчинами обыкновенный разговоръ. Вѣдь, мужчина, хотя онъ и дуракъ, и уши у него холодныя, и, такъ сказать, вообще осель, но онъ все-таки думаетъ, что у него душа тигра, улыбка ребенка, и поэтому онъ красавецъ. Поэтому смѣло ври ему въ глаза: «Вы очень, очень вспыльчивы, и Богъ знаетъ, что вы можете надѣлать въ раздраженіи, но зато вы великодушны и отходчивы». Это онъ легко глотаетъ, какъ слабительную пилюлю «Ара». Затѣмъ ты ему говоришь: «До сихъ поръ еще никто не понялъ вашего характера, вы являетесь загадкой». Откровенно говоря, какая тутъ загадка: онъ просто паспортистъ изъ участка, или конторщикъ, или писагъ, или кандидатъ на штатнаго телеграфиста, но по службѣ нѣтъ движенія. Хрѣновина. Потомъ, конечно, къ тебѣ придуть и исправникъ, и становой. Такъ, какъ будто отъ нечего дѣлать. Однако, вижу, что и подъусникъ у него дрожить, и рука мокрая отъ волненія.

А, все-таки, главный нашъ кліентъ—женщина, и чѣмъ она по своему социальному положенію проще, тѣмъ легче клюетъ...

— Зачѣмъ вы все это мнѣ рассказываете?—спросилъ я, тоскуя.

— Ахъ, Боже мой! Да, вѣдь, молчишь-молчишь,—хочется съ кѣмъ-нибудь подѣлиться... Такъ вотъ я и говорю: женщина всегда думаетъ либо объ мужѣ, либо объ женихѣ, либо объ любовникѣ, или о братѣ, о сынѣ, объ отцѣ. Ей просто я и говорю: «У васъ сердце беспокоится о трёфовомъ королѣ». Сейчасъ же вижу по глазамъ, что ея субъектъ каштанъ и старикъ съ просѣдью, строго себя поправляю: «Виновать, какъ разъ пиковый король». И вся она отъ радости затрепыхается. Тутъ ужъ ври почему зря. А нѣкоторыя даже плачутъ и просятъ: «нѣтъ-ли у васъ приворотнаго зелья, господинъ Гадъ? Или средства возвратитъ молодость?». Ну, я этими вещами не торгую. Оно, конечно, соблазнительно рискнуть, а потомъ иди, бренчи каландами до Соколинаго острова. Удовольствіе изъ среднихъ. Не такъ-ли? Многіе отъ этихъ средствъ, подлецы, дохнутъ.

Но простая женщины это для насъ шикъ и апельсинъ. Приходить, напримѣръ, кухарка. Вѣдь, она, дурица, круглая сутки около плиты жарится. Стало быть, въ кого она должна быть влюблена? Несомнѣнно, въ товарища по оружію,—пожарнаго. Ужъ будьте покой-

ны, когда на улицѣ гдѣ-нибудь пожаръ, то со всего города кухарки сбѣгаются. Ствольщики, трубники, скачки, свистовые, а онъ, герой, сидитъ и сдерживаетъ пѣгихъ жеребцовъ, а у нихъ пѣна съ морды падаетъ. Его спросятъ: «какой ты части?». А онъ только сплюнетъ набокъ, ничего не скажетъ. А факель горитъ на каскѣ. Поэтому кухаркѣ прямо я и говорю: «онъ высокаго роста, брюнетъ (все равно онъ въ сажѣ весь вымаранъ). Герой, но незамѣтный. Больше, чѣмъ какой-нибудь полковникъ или Наполеонъ. Одѣтъ въ сѣрое и много спасъ человѣческихъ жизней». Кухарки всѣ мнительны, по утрамъ много пьютъ кофе, слабонервны, суевѣрны до парадокса. И право, даже стыдно съ нея брать три рубля. Бывало, уговариваешь: «да не нужно, матушка, такъ много». — «Возьми, возьми, отецъ, Гадъ, батюшка. Тебѣ, родной, пригодится».

Зато интеллигентныя торгуются. «Я,—говоритъ,—въ Парижѣ бывала у самой госпожи Тэбъ и у мосье Филиппа, и тѣ ничего съ меня не брали, считая за честь, что у меня такая рѣдкая линія руки... Ну ихъ совсѣмъ...

Теперь дальше. Возьмемъ горничную. Вѣдь, вся ея судьба въ твоихъ рукахъ. Барыня стерва. Баринъ ухаживаетъ. Студентъ только поигрался, да и за щечу. Штабной кавалеръ общался замужъ взятъ, да, вѣдь, обманетъ подлець.

Пожилая женщина любого сословія раскусывается, какъ орѣхъ. Она всегда или теща, или свекровь, или престарѣлая любовница, на дочери которой неизбежно женится ея любовникъ. Ври ей, сколько хочешь, про коварнаго мужчину. Она будетъ только поддакивать.— Такъ вы говорите—подлець онъ?—Нѣтъ, сударыня. Я не смѣю такъ выразиться опредѣленно, но карты говорятъ, что человѣкъ онъ изъ-подъ темной планеты. Тутъ она въ слезы. — Ахъ, какъ вы это тонко угадали!

Извините, я не надѣлъ вамъ своей болтовней?

— Нѣтъ, отчего же? Кстати, не знаете-ли, который теперь часъ? Онъ открылъ часы и освѣтилъ ихъ огнемъ папироски:

— Безъ четверти одиннадцать... Вы сами видите, что хлѣбъ нашъ очень нелегкій. Однако, кормились мы имъ понемножку. Все-таки, худо-худо, пятерка набѣжить за день.

Но бывали и тяжелыя положенія. Мертвый, избитый городъ. До тебя побывало пятьдесятъ человѣкъ. Ничего не подѣлаешь. Заколodило. Полиція свирѣпа. Публика не хочетъ идти... Приходилось и стрѣлять на улицѣ,—благо языкъ хорошо подвѣшенъ... На бывшаго чиновника, на политическаго студента, на сельскаго учителя... Грѣхи!.. А тутъ еще зубами ляскаютъ свои, городскіе, специалисты... Прошенья писалъ по трактирамъ. Но и тамъ есть свои юрисконсульты, очень ревнивые люди. Чуть пронюхали—мордобой, и всегда у него свидѣтели и заступники. Стало быть, зализывай свои раны, и ѣзда въ другой городъ зайцемъ, не то пѣшкомъ.

Въ этихъ жестокихъ случаяхъ, бывало, уговоришь какую-нибудь заблудящую бабенку на говорящую голову и на опыты магнетизма и ясновидѣнія. Это вамъ, конечно, самому извѣстно, какъ дѣлается: лежитъ она, облокотившись локтемъ на остріе, подперевши ладонью щечку, а все остальное тѣло, безъ никакой подпорки, распростирается горизонтально. Пустынный номеръ. Ну, тамъ иголкой колотъ по системѣ доктора Шарко,—это ерунда. Двойная иголка. Внутри уходитъ. Но, главное, здѣсь переходъ къ ясновидѣнію. Уга-

дывать, что за предмет у зрителя: часы, брелокъ, афиша, портмоне, сколько денегъ, какія деньги, бинокль, вѣрь, перчатки и тому подобное. Вообще больше тридцати-сорока предметовъ рѣдко бываетъ у публики. Итакъ: шесть прямо, шесть внизъ, шестью шесть—тридцать шесть. Всего тридцать шесть условленныхъ предметовъ. Въ родѣ разговора по тюремной системѣ. И, представьте себѣ, никакъ ей, дурѣ, не втемяшишь. Еще что попроще, пожалуйста, заучить, какъ попугай. Наводящія слова-то: «теперь что?», «А теперь?» «Какой предметъ?», «Это что?», «Что я держу въ рукѣ?» и тому подобное. А ужъ что-нибудь особенное, на примѣръ, старинная платиновая монета, то тутъ начинаешь метаться, какъ тигръ въ клѣткѣ, ерошишь волосы, потѣешь, рычишь, дрожишь и выбрасываешь изъ себя разныя слова. Ну, скажемъ, на примѣръ, платина... Бросаю отрывисто, точно въ припадкѣ... «Подождите... Ловите мою мысль... Ахъ, какъ трудно... Теперь вы меня поймете?... Итакъ, я вамъ внушаю... Ну, я вамъ приказываю!..» И дальше со вздохомъ: «а, впрочемъ, я не ручаюсь»... Словомъ, простой акrostихъ въ именинныхъ стихкахъ. А она, конечно, стоеросовая дубина. только ротъ разинетъ и оконфузитъ тебя передъ публикой: «Пташка!». Подумаешь тоже пташка—въ бабѣ безъ пятнадцати фунтовъ шесть пудовъ. А вы сами знаете, наша уѣздная публика какова: деньги назадъ и сейчасъ же предсказателя бить. Первое у нихъ правило. Вотъ, увѣрю васъ честнымъ, благороднымъ словомъ: у меня мѣста живого нѣтъ на тѣлѣ.

У васъ папиросочка потухла, неугодно-ли свѣженькую, домашнюю?

Перестали совсѣмъ падать съ деревьевъ послѣднія капли. Лѣтняя ночь вдругъ улыбнулась, точно капризница, которой надоѣло сердиться. И сладко, сладко запахла розовыя свѣчки каштановъ, запахла такъ, какъ онѣ пахнутъ только послѣ вечерняго, быстрого, лѣтняго дождя, или на раннемъ разсвѣтѣ, пока городъ не заглушилъ ихъ тонкаго аромата. Я и хотѣлъ уйти,—и не могъ. Что-то безконечно противное и близкое мнѣ было въ неожиданной исповѣди этого чело-вѣка. Я уже не ждалъ и не волновался. И лѣниво, какъ слѣдующая, но неизбѣжная глава надоѣвшаго романа, тянулось продолженіе разсказа:

— Вотъ такъ-то мнѣ и попалась однажды моя супружница, или тамъ, какъ хотите, понимайте. Всю эту ясновидящую механику она поняла гораздо быстрѣе, чѣмъ я. Да еще усовершенствовалась. Доходили мы съ ней до того, что даже въ маленькихъ циркахъ, называемыхъ «шапито», дѣлали представленія. Но все-таки послѣ пяти-шести вечернихъ представленій наклеиваю этикетки, что въ номерахъ, моль, Когтева, отъ двухъ до пяти, сеансы предсказанія будущаго съ ясновидѣніемъ настоящаго и прошедшаго. Если разрѣшать—прекрасно, а если нѣтъ—то въ сто разъ лучше. Понимаете—тайна! И самъ боишься, и пациентамъ страхъ передается. Да и, въ самомъ дѣлѣ, подумайте: пришла кухаренція, я, въ ея присутствіи, усыпляю Августу (ее звали Августой) и,—трахъ-тарарахъ,—сразу извѣстно, гдѣ она купила ботинки, и какъ зовутъ ея хозяина, и сколько ей по настоящему лѣтъ, и сколько дѣтей, и изъ какой она губерніи и уѣзда, и сколько процентовъ получаетъ въ лавкѣ (десять). Это кухарка все мнѣ на ухо говоритъ въ другой комнатѣ, а я Августѣ передаю гипнозомъ.

Гипнозъ!—вдругъ воскликнулъ онъ, сгорбившись, и долго

хоталъ и кашлялъ. Потомъ выбросилъ изо рта папироску, выпрямился и продолжалъ:

— Большія мы съ ней дѣла дѣлали. Я, вѣдь, ей-Богу, и до сихъ поръ не знаю, изъ какихъ она. Образованная, къ иностраннымъ языкамъ была способна: французскій, нѣмецкій, польскій, англійскій. Но вотъ, чортъ поberi, какая-то непонятная есть у нея страсть къ военнымъ. И не то, чтобы къ офицерамъ и генераламъ, а непремѣнно къ простымъ артиллеристамъ-солдатамъ, къ фейерверкерамъ, бомбардирамъ и наводчикамъ. Я думаю, что это даже такая особая болѣзнь... Какъ вы думаете?

— Право, я не знаю. Можетъ быть и такъ.

— Словомъ сказать, всегда, среди самыхъ спокойныхъ дѣлъ, она вдругъ исчезаетъ и непремѣнно кассу умыкнетъ, и нѣтъ отъ нея ни слѣда, ни гласа, ни послушанія. И какъ на зло налаживаются комбинаціи самыя золотыя. Но что подѣлаешь? Я уже безъ нея и вратъ не могу. Воображенія не хватаетъ. Привыкъ... Разыскиваю ее—не найду. И нѣтъ и нѣтъ работы. Положеніе въ городѣ становится совсѣмъ бамбуковое. Публика больше не ходитъ. Пріѣзжаетъ какой-нибудь паршивый неожиданный конкурентъ, и приходится, ночью, оставить чемоданы въ гостиницѣ, сунуть паспортъ въ боковой карманъ и бѣжать въ первый попавшійся городъ.

Сначала все трепеталъ, что она меня не сумѣетъ разыскать, писалъ въ брошенную гостиницу свои адреса на открыткахъ. Нѣтъ таки. Точно чутьемъ какимъ собачьимъ разыщется, пріѣдетъ—и опять весь городъ въ нашихъ рукахъ. Сыпятся бѣшенныя деньги. Выкупаю чемоданы, фракъ, орденъ Гоголевскаго принца, ѣмъ ежедневно бѣфштексъ и запиваю англійскимъ портеромъ. Приходитъ она ко мнѣ жалкая, излинявшая, часто подбитая, нетрезвая, но, увы, живучая, какъ кошка, быстро поправляется и входитъ въ тонъ и работаетъ, ну, просто, какъ ангель. И такъ изъ города въ городъ.

Проваль и успѣхъ. Декоктъ и Валтассарово пиршество. Восторги публики и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, прикрывши поль-лица, маршь по шпаламъ.

А тутъ какъ разъ время подоспѣло удивительно горячее. Точно всѣ люди сдѣлались сумашеккиными. Преждепріѣзжаешь въ городъ, какъ тать въ нощи, не знаешь, кого куда поцѣловать, чтобы разрѣшили. Случалось, ни съ того, ни сего какой-нибудь чинъ вдругъ покраснѣетъ да затопаетъ на тебя ногами, да такъ зыкнетъ, что только едва-едва пролепечешь про себя молитву «Помяни, Господи, царя Давида» и, какъ кузнечикъ, сиганешь въ другой городъ.

И вотъ, ни съ того, ни съ сего, точно по мановенію волшебнаго жезла, пріѣзжаешь въ какой-нибудь городъ, даже въ губернской, и видишь, что передъ тобой всѣ лебезятъ. И становой, и ротмистръ, иногда и самъ полиціймейстеръ, и городской голова, и ужъ непремѣнно предводитель дворянства. Ну, положимъ, предводители всѣ моты, страдаютъ одышкой, раскладываютъ пасьянсъ и жены бьютъ ихъ туплей по головѣ. Это ужъ какъ всегда. Дворяне.

Стоитъ мнѣ только придти и объявиться, позвольте мнѣ, моль, афишки повѣсить, и тотчасъ забота необычайная: «Позвольте, да мы... да вы... да, можетъ быть, вамъ въ этой гостиницѣ неудобно?.. Да, можетъ, прислуга неучтива?.. Да вы не беспокойтесь!..». Совсѣмъ, какъ

въ безсмертной комедіи господина Гоголя. Или, какъ по-польски: «може а? може цо? може вѣды? може сядать?».

Я ничего не понимаю! Удивительное какое-то пошло время. Готовлюсь къ завтрашнему сезону, въ циркъ, въ кинематографъ, въ семейныхъ домахъ,—не все-ли равно? На всякій случай спрашиваю у швейцара, у коридорнаго, у буфетчика о мѣстныхъ жителяхъ. Они рассказываютъ охотно. Вѣдь, всѣ люди суевѣрны, а эти эфиопы видятъ во мнѣ существо особенное. А ужь, что всѣ люди сплетники—это абсолютная аксіома. Подумайте только: вѣдь, я гадъ! И уже я успѣлъ наврать имъ столько лестнаго и страшнаго, что они ходятъ, какъ очумѣлые. И только, издали, глазами умоляютъ, такими влажными, собачьими глазами: «милый, погадай еще разочекъ». Но нѣтъ. Мой принципъ такой: въ гостиницахъ служащимъ я гадаю бесплатно, но только одинъ разъ: пускай, мерзавцы, будутъ навсегда заинтригованы. Понимаете, окружаю себя этакимъ дымнымъ облакомъ таинственности, но на чай даю хорошо.

И вотъ, ровно въ два часа пополудни сижу я, полирую ногти и обдумываю, какой-бы мнѣ новый трюкъ выдумать. Вы сами понимаете, что каждое искусство нуждается въ разнообразіи.

— Почему вы знаете, что я это знаю?—спросилъ я рѣзко.

— Вотъ видите-ли,—мягко возразилъ онъ,—ежели-бы вы не задали мнѣ этого вопроса, я не былъ-бы увѣренъ... А теперь я навѣрно скажу, что вы человекъ... какого-то...—Онъ два раза щелкнулъ пальцами,—какого-то... искусства... Широкополая шляпа, бѣлый галстухъ, повязанный бабочкой, цвѣтокъ въ петличкѣ, небрежная манера сидѣть, умѣнье слушать... Для профессора вы молоды. Я-бы сказалъ, что вы или писатель, или...

— Это не важно,—перебилъ я моего удивительнаго собесѣдника.—Ну, полировали ногти... разнообразіе... дальше?

— Да. И вдругъ бомбою влетаетъ ко мнѣ коридорный лакей: «Такъ что къ вамъ сама генеральша, спрашиваетъ васъ!». Я вижу, что онъ трясется, и сейчасъ же его одной рукой за карчикъ, другой— пять рублей въ зубы. «Что? Какъ? Съ кѣмъ? Когда? Сколько? Кому? Гдѣ? Дѣти? Слабости?» Онъ—какъ горохомъ сыплеть. И вотъ сеансъ. Густая вуаль. Духи самые лучшіе. Muskusъ, амбра и кремъ деваниль... Сорокъ три, сорокъ пять, крайнее—пятьдесятъ лѣтъ... Я расшаркиваюсь: «Извините, графиня, я одѣтъ не такъ, какъ слѣдуетъ». И поднимаю воротникъ сюртука, какъ кибитку. «Прошу сѣсть! Чѣмъ могу служить?»

— Вы меня, конечно, не знаете.

— Не знаю, ваше пр-ство. Но если я сообщу мои магнитные токи съ вашими токами и съ токами земнаго меридіана, при помощи напряженія воли, то буду непременно знать ваше настоящее, прошедшее и будущее.

— Но почему же вы узнали, что я генеральша?

— Извините,—можетъ, я ошибся. Я сказалъ случайно, какъ сказалось.

— Ахъ, нѣтъ. Вы какой-то странный. Я чувствую, что начинаю вибрировать въ вашемъ присутствіи, я надѣюсь, что все, о чемъ я васъ спрошу, останется между нами тайной?

— О, несомнѣнно, мадамъ! Тайной, болѣе сокровенной, чѣмъ врачебная и адвокатская.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ вѣрю. Расскажите мнѣ все, все, все...

— Простите, сударыня. Я не могу войти въ трансъ безъ моего медиума.

Зову Августу. По обычной системѣ тридцать шесть, угадываю всѣ предметы, которые на генеральшѣ находятся, и даже мѣтку на ея носовомъ платкѣ, черезъ запертую сафьяновую сумочку. Августа превосходитъ самое себя. Минутами мнѣ самому кажется, что вотъ-вотъ сна умереть отъ нервнаго потрясенія или погрузится въ вѣчный летаргическій сонъ. Всѣ гнусныя сплетни, всю грязь воображенія маленькаго захолустнаго губернскаго города я превращаю въ воздушное пирожное. Губернаторша сама идетъ мнѣ на встрѣчу вздохами, охами, намеками. Чортъ побори! Если человѣкъ жаждетъ быть обманутымъ... Въ концѣ концовъ, блондинъ, товарищъ прокурора, хочетъ хлопотать о переводѣ, но сила любви все превозможетъ, и онъ останется у ногъ пышной красавицы, соблазнительной брюнетки. Затѣмъ нѣсколько пассивъ. Августа погружается въ глубокой спокойный сонъ. Графиня встаетъ вся мокрая отъ слезъ, дряблая, трясущаяся, и руки у нея прыгаютъ, когда она суетъ мнѣ сторублевую бумажку и бормочетъ:

— Но, вы удивительный!.. Поразительный!.. Прошу васъ, скажите откровенно, если мало. Я-бы васъ очень просила сдѣлать нѣсколько вашихъ прекрасныхъ опытовъ у меня дома. Обѣщаю вамъ, что будетъ только свое интимное общество... У насъ есть свой маленький избранный кружокъ спиритовъ.

Ну, вы, конечно, понимаете, что я на слѣдующій день въ городѣ *persona gratissima*. Вся знать, полужанать, а за ними и всякая сволочь стоитъ вереницей отъ моего номера внизъ по лѣстницѣ и до самаго подъѣзда. Заискиваютъ у швейцара и суютъ ему въ руки трехрублевки, чтобы замолвить о нихъ словечко. Тотъ входитъ въ роль, но я ему не препятствую. Я знаю, что ночью онъ придетъ ко мнѣ и униженно попроситъ погадать ему. Я ему погадаю и объ его больной печени, и объ отекавшихъ ногахъ, и о безпутномъ любимомъ сынѣ-биллиардистѣ, и о томъ, что онъ думаетъ взять въ аренду какое-то большое дѣло, и пускай смѣло беретъ,—не раскается. Онъ уйдетъ отъ меня обласканный, счастливый, да вдобавокъ сообщитъ мнѣ съ три короба о моихъ дальнѣйшихъ паціентахъ.

Ахъ, чортъ возьми! Какъ и откуда пришло это неожиданное время? Ей-Богу, я до сихъ поръ понять не могу. Но, вѣрите-ли, мнѣ предлагали ужасныя вещи: лечить прикосновеніемъ параличныхъ и исцѣлять идиотовъ, заговаривать сифилитическую экзему, чуть-ли не воскрешать умершихъ. Откуда это взялось? Прямо, точно внезапный вѣтеръ какой-то... Ну, вотъ, какъ въ Новороссійскѣ... ни съ того, ни съ сего, свалится откуда-то бора... такой вѣтеръ, и перевернетъ къ чортовой матери телеграфные столбы, груженые вагоны, деревья, каменные заборы... Честное слово, ничего не понимаю. Да, вотъ, далеко-ли ходить за примѣромъ? Былъ у меня товарищъ, такъ дуракъ, болтунъ, пьяница, нахаль. Главное удовольствіе у него было либо сг ать, либо пить до чортиковъ, либо бить кого-попало на улицѣ. А карьера его очень простая. Сначала банщикъ, потомъ уличный котъ, потомъ вышибало, потомъ пѣвчій. Слуху у него никакого не было. Но, правда, рывкалъ, какъ левъ. И вотъ, представьте себѣ, править, какъ сатрапъ, всей Какуевской губерніей. Возьметъ, мерзавецъ, на сѣмсмъ пышномъ

банкетъ въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ и разодѣтыхъ дамъ, возьметъ, вымоетъ свои грязныя волосатыя руки въ чашкѣ и скажетъ: «Вы, кобели, и вы, дѣвки, пейте сію воду, потому что смиреніе выше всего». И что вы думаете? Пьютъ! Одного станового въ двадцать четыре часа раскассировалъ и выслалъ изъ губерніи. За что? Недостаточно внимательно отдалъ честь. Видалъ-миндалъ?

Я на эти вещи не рисковалъ. Я человекъ, хоть негодный, все настоящій христіанинъ, вѣрующій. Я просто только чувствовалъ, что пахнетъ жаренымъ. Я скромно думалъ: «Зачѣмъ заноситься? Возвеличишься, анъ, глянь, тебя и по шапкѣ. И не вспомнишь, какъ тебя Сенькой звали. Думалъ я, скопить-бы такъ тысячь десять—двѣнадцать и открыть-бы въ какомъ-нибудь городишкѣ свой собственный кинематографъ. Дѣло это вѣрное, питательное и никому не обидное. Кто умѣетъ.

И только, бывало, это самое задумаю про кинематографъ, и все у меня выходитъ ладно и чинно... Вдругъ трахъ! На сцену является артиллеристъ. Впрочемъ, иногда и саперъ, но все-таки чаще артиллеристъ. И все пошло къ чорту. Нѣтъ ни кассы, ни усыпляющей женщины, и опять строй зданіе на песцѣ.

— Нашли-бы другую,—вяло посовѣтовалъ я.

— Ахъ, вы этого не поймете... Привычная работа... А, впрочемъ... Постойте...

Онъ вдругъ выпрямился, точно его кольнули шиломъ, и крѣпко обхватилъ мою руку длинной узкой, цѣпкой, холодной рукой.

Мимо насъ проходили двое—въ темнотѣ было трудно разобрать. Высокая, судя по походкѣ, молодая и полная женщина и выше ея, на поль-головой, стройный мужчина, позвякивавшій на каждомъ шагу шпорами. Мы помолчали, пока ихъ силуэты не поглотились темнотой ночи.

— Ну, вотъ, такъ я и зналъ,—сказалъ уныло мой случайный собесѣдникъ, поднимаясь со скамьи.—Такъ я и зналъ. Ахъ, а что бы я могъ сдѣлать въ этомъ городѣ! Я-бы здѣсь буквально катался, какъ сыръ... А, впрочемъ... Извините за безпокойство, господинъ поэтъ,—можетъ быть, я вамъ надоѣлъ... Прошу только одному вѣрить: разблестался такъ въ первый и, конечно, въ послѣдній разъ въ моей жизни...

Длинный, худой, онъ приподнялъ кверху свою шляпу-котелокъ, склонивъ при этомъ голову на-бокъ, и ушелъ медленными, беззвучными шагами. А черезъ пять минутъ и я ушелъ изъ Царскаго сада, нанялъ извозчика до вокзала и поѣхалъ въ Петербургъ.

Все это было въ 1893 году, не то въ іюнь, не то въ іюль...

А. Купринъ.

Передъ зарей.

Мой милый другъ! Ты слышишь дальній громъ пальбы,
Гуль ликованія и грозный шумъ сраженій?..
Тамъ, сквозь огонь и дымъ убійственной борьбы,
Намъ вѣчный миръ несетъ Судьбы крылатый Геній.

Взгляни туда: за далью хмурою полей,
Сквозь непроглядный мракъ кровавой, бурной ночи,—
Съ тоскою смотря на страданія людей
Свободы царственной задумчивыя очи.

Прекрасный другъ! Моя ничтожная любовь
Мнѣ такъ жалка—въ грозѣ всемірной непогоды,
Въ тѣ дни, когда въ дали туманной льется кровь
Отважныхъ рыцарей поруганной свободы.

Твои прелестныя, любимыя черты,
Стыдливость нѣжная, и робкое волненье,
Порывы страстные стремительной мечты,—
Все—неумѣстное, сплошное преступленье!

И мнится мнѣ, что этотъ блѣдный серпъ луны,
И небо синее съ блестящимъ, звѣзднымъ хоромъ,
И стаи грустныхъ тучъ,—съ далекой вышины
Всѣ смотрятъ на меня съ насмѣшливымъ укоромъ...

Мой свѣтлый другъ! Спѣшимъ туда, гдѣ льется кровь,
Гдѣ слышенъ грозный шумъ всемірной непогоды!
Прочь малодушіе! Великая любовь
Нужна тамъ, въ рядахъ защитниковъ свободы...

Ал. Санковскій.

Красный холмъ.

Разсказъ Ал. Богданова.

Поморцевъ намѣренно выбралъ уединенную дачку въ лѣсу, чтобъ не обращать на себя вниманія. За послѣднее время полиція усердно разыскивала его по одному старому политическому дѣлу, и онъ вынужденъ былъ поспѣшно бѣжать изъ города П.....

Уединеніе было пріятно. Не пестрили въ глазахъ дачные наряды, дамы съ собачками и дамы безъ собачекъ,—не раздражали граммофоны, велосипедисты, дачные пѣвцы и прочія неизбежности лѣтней обывательской жизни. Дачка стояла среди глухой чащи и напоминала простую крестьянскую избу. Это также нравилось Поморцеву,—напоминало о деревнѣ, въ которой онъ провелъ дѣтство.

День за днемъ потянулася спокойная растительная жизнь. Утромъ Поморцевъ просматривалъ газеты, приносимыя со станціи старикомъ хозяиномъ, и затѣмъ послѣ завтрака отправлялся въ лѣсъ, гдѣ безцѣльно бродилъ, или лежалъ на мягкихъ бархатныхъ мхахъ, любуясь стройными вѣковыми соснами, позолоченными ласковымъ солнцемъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дачки находился высокій одѣтый лиловымъ верескомъ холмъ, глинистая почва котораго мѣстами была обнажена, и онъ издали весь казался краснымъ. Поморцевъ любилъ взбираться на него, созерцать спокойныя лѣсныя дали: торфяное болото, окутанное сизой мгlistой дымкой, небрежно брошенную ленту извивающейся рѣчки, темныя просѣки и изумрудныя необъятныя моря лѣсной зелени.

Путь къ холму лежалъ мимо богатой виллы, съ остроконечными башенками, высокими готическими окнами и прочными бѣлыми каменными постройками, напоминающими крѣпостныя сооруженія. Поморцевъ не разъ заглядывался на виллу, раздумывая надъ странными вкусами владѣльца, поселившагося въ такой глуши.

Въ срединѣ мая вилла оживилась. Поморцевъ однажды встрѣтилъ на мотоциклетахъ двухъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ легкія спортсменскія куртки и кепи. Издали ему удалось уловить отрывки нѣмецкой рѣчи.

Вначалѣ онъ не придавалъ никакого значенія этому обстоятельству.

Въ слѣдующій разъ, поднявшись на Красный холмъ, онъ увидѣлъ, что его обычное мѣсто занято неизвѣстной молодой женщиной, погруженной въ чтеніе книги. При его приближеніи женщина подняла голову и безцеремонно принялась лорнировать его.

Съ чувствомъ досады Поморцевъ прошелъ мимо, ничего не сказавъ. Настроение его на этотъ день было испорчено.

Въ слѣдующую свою прогулку онъ также встрѣтилъ женщину на холмѣ. При ней были два громадныхъ широкогрудыхъ дога. Еще издали доги съ лаемъ понеслись къ нему, поднявъ острия уши, точно собираясь для нападенія. И шагахъ въ двухъ отъ него дружно остановились, злобно рыча и оскаливъ зубы.

— Тубо!..—крикнулъ Поморцевъ.—Сударыня, уберите своихъ собакъ!..

Женщина сидѣла, углубившись въ книгу, точно не замѣчая его просьбы.

— Сударыня!.. Уберите-же собакъ!..—раздраженно повторилъ Поморцевъ, встревоженный крайне недружелюбнымъ видомъ договъ.

Женщина неторопливо поднялась и рѣзкимъ неприятнымъ голосомъ позвала собакъ назадъ.

Поморцевымъ овладѣлъ приступъ глухой злобы. Одиночество и общеніе съ природой рождало въ немъ свѣтлыя созерцательныя настроенія, и вотъ теперь походило на то, что вдругъ чужая грубая рука безмысленно порвала нѣжныя кружевыя ткани въ его душѣ.

«Что нужно на холмѣ этой женщинѣ?..»—думалъ онъ, возвращаясь домой и раздраженно сшибая палкой яркокрасныя шапочки мухоморовъ.

Въ одинъ изъ первыхъ лѣтнихъ дней, когда городъ становится уже невыносимъ пылью, раскаленными мостовыми и душными домами, къ Поморцеву пріѣхалъ товарищъ дѣтства инженеръ Кривцовъ.

Гость неподдѣльно восхищался простотой его жизни.

— Прелесть что такое!.. Какія сосны, какой воздухъ!.. Жаль вотъ, что нѣтъ женщинъ!.. Скажи откровенно, нѣтъ здѣсь по близости прекрасной лѣсной дриады?..

Поморцевъ непріязненно поморщился, вспомнивъ о незнакомкѣ съ виллы.

— Прекрасной нѣтъ... Но такая, которая отравила мнѣ существованіе,—имѣется. Если хочешь, могу показать тебѣ ее.

— Пожалуйста!..—сказалъ Кривцовъ.—Тогда, по крайней мѣрѣ, я буду имѣть полное представленіе о твоей жизни.

Передъ закатомъ солнца пріятели отправились на Красный холмъ. Когда проходили мимо виллы, изъ воротъ выкатилъ автомобиль, въ которомъ сидѣла женщина и двое молодыхъ людей. Поморцевъ узналъ въ нихъ спортсменовъ.

— Вотъ та самая фрау, о которой я говорилъ тебѣ!..—началъ онъ, обращаясь къ товарищу, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что Кривцовъ не слушаетъ его, а очевидно поглощенъ чѣмъ-то другимъ.

— Нѣтъ,—почему ты не сказалъ мнѣ ничего о самомъ главномъ?..—вдругъ началъ Кривцовъ, занятый своими мыслями и не отвѣчая на слова Поморцева...

— О чемъ?..—изумился Поморцевъ.

— Обратилъ ты вниманіе на постройки?..

— Постройки—какъ постройки!.. У каждаго богатаго человѣка—свои фантазіи...

— Не въ фантазіяхъ дѣло!..—горячо и убѣжденно началъ Кривцовъ.—Вѣдь передъ тобой маленькая крѣпость... Скажи, пожалуйста, для какихъ надобностей можетъ быть возведена вотъ такая, на примѣръ,

гранитная бесѣдка съ стѣнами въ полтора аршина толщиной и съ выемкой наверху? Вѣдь, это специальное приспособленіе для тяжелыхъ орудій! Или бетонная площадка, скрѣпленная желѣзными скобами?.. Б. шенка надъ домомъ?.. шпиль?.. Вообще все здѣсь подозрительно!..

— Не понимаю тебя!..—огорошенный замѣтил Поморцевъ.

— Ничего—непонятнаго!.. Держу пари, что владѣльцы виллы—нѣмцы. Неужели ты не читалъ въ газетахъ о нѣмецкихъ сооруженіяхъ въ западномъ краѣ?..

— Читалъ и слышалъ, но то—западный край... А здѣсь какой смыслъ?..

— Ахъ, мы, русскіе, всегда такъ!.. Смыслъ, смыслъ!..—горячася, продолжалъ Кривцовъ.—Какъ будто тебѣ могутъ быть извѣстны планы германскаго штаба?! Кричимъ мы о нѣмецкомъ засильи, а у самихъ во всемъ этакая халатность... Когда грянетъ громъ, тогда только и начинаемъ креститься... Напримѣръ, увѣрешь-ли ты, что здѣсь нѣтъ беспроводнаго телеграфа?

— Нисколько не увѣрешь...—смущенно отвѣтил Поморцевъ, чувствуя за собой нѣкоторую вину въ томъ, что до сихъ поръ не придавалъ значенія видѣнному и слышанному.

— Еще обрати вниманіе... Зачѣмъ проложена на гору шоссе-ная дорога?.. Твоя лѣсная дріада не спроста дежуритъ на холмѣ. Во всякомъ случаѣ совѣтую тебѣ заняться наблюденіями.

Кривцовъ черезъ сутки уѣхалъ, но его слова врѣзались острымъ клиномъ въ мирную жизнь Поморцева и нарушили ея теченіе.

Онъ настроился подозрительно къ окружающему, и все происходящее вокругъ вдругъ стало получать для него иной, новый смыслъ. Мотоциклисты, автомобиль, дежурства женщины на горѣ—все это имѣло между собой несомнѣнную скрытую связь.—Какую?.. Поморцевъ старался проникнуть въ ея тайну.

Какъ-то онъ нашелъ на одной изъ лѣсныхъ тропъ потерянный конвертъ. Въ немъ оказался планъ ихъ мѣстности. Это еще болѣе укрѣпило его въ правильности сдѣланныхъ предположеній.

Въ короткія бѣлыя сѣверныя ночи, когда не спалось, онъ садился у окна и прислушивался. Почему-то въ душѣ жила безсознательная увѣренность, что разгадка тайны послѣдуетъ именно ночью.

Однажды послѣ заката солнца онъ услышалъ странный едва уловимый отдаленный трескъ. Звуки падали въ лѣсной тишинѣ сухо и отрывисто, то замедленные, то учащенные,—съ перебойми. Походило на то, что въ чащѣ работаетъ машина.

— Та-та-та... Та-та-та...

«Моторъ!.. Беспроволочный телеграфъ!..»—мелькнуло въ умѣ Поморцева.

Съ поспѣшной лихорадочной нервностью онъ одѣлся и пошелъ по направленію стуковъ. Пришлось долго пробираться среди перепутанныхъ кустовъ можжевельника и молодого березняка. Сердце Поморцева неровно и усиленно билось. И разгоряченное воображеніе рисовало картину работы.

«Вотъ паузы между фразами... Паузы между отдѣльными словами, передающими по воздуху важныя извѣстія».

Неожиданно въ разныхъ концахъ лѣса слышались подобные-же перебои.—Тр-тр-тр... Та-та-та!..

Поморцевъ остановился, перевелъ дыханіе и провелъ рукой по лицу, чтобъ убѣдиться, не грезить-ли онъ.

Нѣтъ! Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу раздается странный шумъ.

«Не можетъ быть, чтобъ здѣсь работало нѣсколько беспроводныхъ станцій?—подумалъ Поморцевъ.—Просто мнѣ мерещится!.. Подъ вліяніемъ разговоровъ съ Кривцовымъ мои нервы напряжены, и изъ каждой мухи я готовъ сдѣлать слона».

Онъ повернулъ обратно и возвратился домой. А утромъ послалъ Кривцову телеграмму:

«Немедленно пріѣзжай—по очень важному дѣлу».

Кривцовъ не заставилъ себя ждать.

Пріятели въ первую же ночь устроили наблюдательный пунктъ на Красномъ холмѣ, откуда было слышно на нѣсколько верстъ все, что происходитъ кругомъ.

— Никогда не представлялъ себѣ, что когда-нибудь мнѣ придется выступить въ роли... гм... не то развѣдчика, не то добровольца-агента...—подыскивая нужное слово, началъ Поморцевъ.

— Тебя это стѣсняетъ?..—спросилъ Кривцовъ.

— Не стѣсняетъ, но какъ-то непривычно...

— Удивительный мы народъ—русскіе!..—придравшись къ случаю, заговорилъ на свою любимую тему Кривцовъ.—По поводу каждаго выѣденнаго яйца мы любимъ поднимать міровые вопросы. Нравственно-ли, позволительно-ли, и такъ далѣе! И пока мямлимъ да резонируемъ, всегда пропустимъ удобный моментъ... Нѣтъ, у другихъ націй не такъ. Тъ мѣ безъ дальнихъ разсужденій каждый выполняетъ свой гражданскій долгъ. Разъ-два-три,—прицѣлился и баць!..

Пріятели мирно бесѣдовали, полулежа на мягкомъ мху. Лѣсъ уже наполнился прозрачной полумглой, и сѣверная ночь высыпала на небѣ нѣсколько лѣтнихъ блѣдныхъ звѣздъ, когда раздалась знакомая Поморцеву дробь,—сперва въ одной сторонѣ, а затѣмъ—какъ по сигналу—въ другой и третьей.

Кривцовъ поднялся и разразился самымъ веселымъ неудержимымъ смѣхомъ.

— Въ чемъ дѣло?..—обидчиво спросилъ Поморцевъ.

— Милый мой,—смѣясь, началъ Кривцовъ.—Неужели ты никогда не слышалъ, какъ токують тетерева?..

— Нѣтъ!..—приходя въ замѣшательство, отвѣтилъ Поморцевъ.

— Самая настоящая тетеревиная трель!.. Неудержимая, сильная и сладострастная,—въ двѣ ноты, одна звонкая, поднимающаяся кверху, и другая глухая, спускающаяся внизъ...—Тррр-тааа!.. Ну, ты совсѣмъ плохой развѣдчикъ!..

— Чортъ тебя возьми!..—разсердился Поморцевъ...—Самъ сбиль меня съ толку и самъ же теперь издѣваешься...

— Тсс!..—прервалъ его Кривцовъ, вслушиваясь...

Въ молчаніи прошло нѣсколько минутъ.

— Здѣсь не одни тетеревиные тока!.. По направленію къ рѣкѣ, въ усадьбѣ виллы работаетъ и моторъ... Для меня это несомнѣнно!.. Слышишь?.. Сухой, ровный и однотонный трескъ...

— Совершенно вѣрно!..—согласился Поморцевъ.

— Это интересно...—звѣтилъ Кривцовъ.—И, надо сказать, не безъ остроумія придумано. Среди шума, подъ прикрытіемъ тетереви-

ных адюльтеровъ вести работу на моторѣ! Самый настоящій моторъ!.. Браво!.. Твоя лѣсная дріада изобрѣтательна... Мнѣ кажется, надо прократся къ усадьбѣ...

Когда они спускались съ холма и пересѣкали шоссейную дорогу, имъ показалось, что въ кустахъ мелькнула какая-то тѣнь. И раздался высокій пронзительный дребезгъ, напоминающій полицейскіе свистки.

Вслѣдъ за тѣмъ стуки мотора прекратились.

— Ого!..—сказалъ Кривцовъ.—Дѣло серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Станція со всѣми онерами,—съ охраной и сигнализацией.

— Какъ-же теперь быть?..—спросилъ Поморцевъ.

— По моему, не мѣшало-бы взглянуть на виллу. Пускаться же въ путешествіе по лѣсу сейчасъ рискованно. Они предупреждены, и мы можемъ нарваться на какую-нибудь неприятность, —тѣмъ болѣе, что кромѣ палокъ у насъ нѣтъ никакой защиты...

— А затѣмъ?..

— А затѣмъ возвратиться домой и выработать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Въ башенкѣ виллы маячилъ ровный свѣтъ съ красноватымъ отблескомъ отъ цвѣтныхъ оконъ. По дорогѣ ихъ обогналъ спортсменъ-мотоциклистъ и внимательно всмотрѣлся въ ихъ лица.

Они уже подходили къ дому, когда издали прозвучало нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ. И отдаленнымъ глухимъ эхомъ покатилося мѣрное и однообразное стучаніе машины.

— Что ты на это скажешь?..—спросилъ Поморцевъ.

— Что сказать! Выстрѣлъ—это первое предупрежденіе по нѣшему адресу. Однако—ихъ смѣлость граничить съ нахальствомъ... Станція не стѣсняется продолжать работу!

На слѣдующій день пріятель обсуждали, что предпринять, и горячо спорили.

— Совѣтую—не мѣшкая—ѣхать въ городъ и сообщить, куда полагается, о своихъ наблюденіяхъ...—предлагалъ Кривцовъ.

— У насъ слишкомъ мало данныхъ!..—возражалъ Поморцевъ.—Ошибка съ нашей стороны была-бы тѣмъ прискорбнѣе, что въ обществѣ и безъ того всюду болѣзненная шпиономанія... Поощрять ее намъ не къ лицу...

— Болѣе полными данными мы едва-ли будемъ располагать!..—не соглашался Кривцовъ.—Въ этомъ дѣлѣ нужны спеціалисты-развѣдчики. И для начала совершенно достаточно того, что мы знаемъ. Гдѣ-то въ глуши лѣса по ночамъ работаетъ моторъ... Мотоциклисты, доги, свистки, револьверные выстрѣлы, крѣпостныя сооруженія,—неужели тебѣ мало всего этого? Промедленіе съ нашей стороны было-бы преступленіемъ!

— Ну, хорошо!..—уступчиво согласился Поморцевъ.—Но какъ мнѣ въ моемъ нелегальномъ положеніи—ѣхать въ городъ?.. При первомъ-же сношеніи съ полиціей я буду арестованъ...

— Пустяки!.. Кому придется въ голову доискиваться твоихъ старыхъ политическихъ грѣховъ? Наоборотъ, за твои укзанія тебѣ будутъ только благодарны... Кромѣ того,—намъ незачѣмъ обращаться къ полицейскимъ властямъ...

— Къ кому-же?..

— Вѣришь всего дѣйствовать черезъ членовъ Государственной Думы... Или — снести непосредственно съ военнымъ начальствомъ. Во-первыхъ, ты такимъ образомъ можешь сохранить свое инкогнито. А во-вторыхъ—больше гарантіи, что слѣдствіе поведется должнымъ и безкорыстнымъ образомъ.

— Почему ты не хочешь взять на себя это дѣло одинъ? Я, собственно говоря, и выписывалъ тебя сюда съ этой цѣлью...

— Потому что главные нити наблюденій у тебя... Что за малодушіе, что за трусость?.. Имѣй побольше гражданскаго мужества!..

Кривцову удалось убѣдить товарища, и Поморцевъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ городъ.

Разыскать нужныхъ лицъ, чтобъ начать слѣдствіе, оказалось не такъ-то легко. Пришлось, дѣйствительно, прибѣгнуть къ содѣйствию одного изъ членовъ Государственной Думы. И въ хлопотахъ Поморцевъ застрялъ въ городѣ на цѣлую недѣлю.

Однажды онъ шелъ по главной наиболѣе людной улицѣ. На одномъ изъ угловъ ея онъ остановился передъ витриной, чтобъ прочесть вечернія сообщенія. И вдругъ почувствовалъ, какъ чья-то рука тяжело ложится ему на плечо. Онъ обернулся.

Незнакомый господинъ съ рыжими усами тихо сказалъ:

— Прошу васъ, не откажитесь послѣдовать за мной.

Поморцевъ понялъ, что онъ арестованъ.

Развѣдки около Краснаго холма производились уже безъ содѣйствія Поморцева. Изъ дома заключенія онъ вызывался нѣсколько разъ въ качествѣ свидѣтеля и давалъ показанія о всемъ, что ему было извѣстно.

На виллѣ дѣйствительно, оказался беспроволочный телеграфъ. Но изъ обитателей виллы никто не былъ задержанъ. Молодые люди спортсмены и женщина заблаговременно успѣли куда-то скрыться.

Ал. Богдановъ.

В Ъ Н О К Ъ .

Изъ вешнихъ розъ тебѣ я сплелъ вѣнокъ—
Изъ бѣлыхъ розъ и розовыхъ и алыхъ.
Найди его среди пѣвучихъ строкъ.
Я для тебя одной въ тиши писалъ ихъ.

Здѣсь, въ типографскихъ очертаньяхъ словъ,
Зрачками глазъ, печальныхъ и несмѣлыхъ,
Ты видишь-ли аккордъ изъ трехъ цвѣтовъ:
Изъ красныхъ розъ и розовыхъ и бѣлыхъ?

Когда-нибудь умрутъ мои цвѣты—
Умретъ и тотъ, кто для тебя сорвалъ ихъ—
Сегодня же вѣнокъ мой свѣжъ, какъ ты,—
Изъ бѣлыхъ розъ и розовыхъ и алыхъ.

А. Палмй.

Морлонъ.

ПОМОГИТЕ.

П р и с л у г а.

Разсказъ А. Волохова.

Новая кухарка прїѣзжаетъ со своими вещами, когда Тихона Петровича нѣтъ, и въ домъ только Маруся. Кухарку зовуть не то Анисьею, не то Аксиньею, хотя по паспорту она числится Евдокіею. Она—высокая, тощая, плоскогрудая, красноносая. Одна бровь почему-то топорщится, лѣзетъ на лобъ, а другая свисаетъ. Это придаетъ лицу Анисьи не столь удивленный, сколь пытливый видъ. Голосъ у Анисьи грубый, хриплый, а глаза—сѣрые, съ сверлящимъ взоромъ. Ротъ широкій, губы тонкія и поджатые.

Маруся указываетъ Анисѣ, гдѣ что лежитъ, пытается по порядку объяснить весь распорядокъ домашней жизни. Анисья невнимательно вслушивается, хмыкаетъ, потомъ вдругъ освѣдомляется:

— Да вы-то, барыня, вѣнчаны? Али такъ? По модному?

Маруся вспыхиваетъ.

— Что такое?

— Говорю—по закону перевѣнчались вы со своимъ-то, али такъ, безъ всякаго вѣнчанія, по модному? Давай, моль, будемъ вмѣстяхъ, быдто, моль, мужъ да жена!

— Да вамъ-то какое дѣло?—изумляется Маруся.—Ваше дѣло—комнаты прибирать, покупки дѣлать, стирать...

— Значить, не вѣнчаны?

— Нѣтъ, вѣнчаны, вѣнчаны!—со слезами въ голосъ возражаетъ оскорбленная до глубины души Маруся.—Что вамъ, метрику, что-ли, показать?

— На што мнѣ метрика?—хмыкаетъ Анисья.—Какія тамъ еще метрики?! А только какъ это гляжу я,—первое дѣло—почему, скажемъ, не одна супружеская кровать, какъ Богъ велѣлъ. Ты вонъ спишь на своей, а онъ...

Маруся и смѣшно, и немножко совѣстно, и немножко досадно. Сдерживаясь, она отвѣчаетъ:

— Доктора говорятъ, что спать въ одной постели вредно!

— Много они понимаютъ, дохтора!—презрительно фыркаетъ Анисья.—Знала я одного такого! Тоже, образованный! Книжками завалился... Спать ляжетъ, и то съ книжкою! Анъ, глядь, ночью—полиція. Да всѣ книжки перерыла. Да его, раба божьяго, за шиворотъ! Увезли! Такъ и сгнулъ! А я ему рази не говорила? Брось ты, говорю, книжки свои окаянныя! Опомнись ты, говорю, не губи свою душеньку! А онъ хоть-бы что!

Анисья сквозь дверь кухни смотритъ на висящіе въ столовой на стѣнѣ портреты, подмигиваетъ, почему-то понизивъ голосъ, гудить:

— Сродственники будутъ? Которые на стѣнкахъ?

— Нѣтъ!—смѣется Маруся.—Писатели! Левъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій...

— Такъ! Здорово!—хихикаетъ Анисья.—Которые люди съ умомъ, тѣ Бога вѣшаютъ. Альбо енараловъ, архиреевъ. А которые модные—писателей! Очень, подумаешь, нужно?!

— Чѣмъ вамъ писатели не угодили?—освѣдомляется Маруся.

— Мнѣ! Вотъ тебѣ разъ!—протестуетъ Анисья.—Да я развѣ малая? Да пусть ко мнѣ писатель подсыпаться станеть! Да я его, трекля-

таго! Я женщина честная! Все, какъ по закону! Комаръ носу не подточить! Знаемъ мы ихъ, писателей! Тоже, видѣли! Былъ одинъ такой!.. Не пускай,—говорить,—Анисьюшка,—никого въ мой кабинетъ посторонняго! Какъ у меня тамъ бумаги разныя, работа!.. Ладно!—говорю.—А сама къ дворнику.—Такъ и такъ!—говорю.—Ты мужланъ, чего зѣваешь? Безпремѣнно, говорю, онъ тамъ фальшивыя бумажки дѣлаетъ!—А ты видѣла?—Видѣла!—говорю. Ну, онъ испужался, да къ приставу. Приставъ, извѣстно, съ понятными.—Извольте, говорить, сударь, показать, чѣмъ вы тутъ заниматься изволите?—А мой-то побѣлѣлъ, какъ стѣночка, да тыкъ, да мыкъ!—Я,—говорить,—ничего ничегошеньки! А они къ ему въ столъ. А въ столѣ,—ахъ, ты, безстыдникъ! А еще гимназическій учитель! А тамъ фоторафи! Да все голыя бабы! А приставъ-то и говорить:—Изволите, значить, порнографію разводить? Ну, а онъ, мой-то, потомъ и кричить! На меня, то-есть!—Вонъ!—кричить.—Чтобъ и духу твоего не было! А я ему:—А ты не раззоряйся, плѣшивина! Я и безъ того уйти хотѣла, потому какъ я женщина честная, все по закону, а ты тутъ вотъ какую политику занимаешься! Да ты ножками, сударь, не топочи! Да ты мнѣ кулаковъ не сучи! А то и къ мировому можно! Какъ я честная вдова, а не какая-нибудь!..

Анисья роется въ какихъ-то тряпкахъ, что-то ворчить себѣ подъ носъ, потомъ таинственно освѣдомляется у хозяйки:

— Дядя есть?

— Какой дядя?—недоумѣваетъ Маруся.

— А такой... А за квартиру кто, неужто мужъ законный, а не хахаль, платить?

— Конечно, мужъ!

— Такъ! А то тоже такъ бываетъ: мужъ-то всего жалованья семьдесятъ пять получаетъ, а жена за квартиру сто двадцать пять отваливаетъ! Мужъ-то, значить, на службу, а къ женѣ, значить, дядя! А барыня, значить, кухаркѣ:—Сходите, голубушка Анисья, на центральный почтанъ,несите вы это заказное письмо! Только чтобы безпремѣнно на центральный!

А бѣдная женщина ноги себѣ побьетъ, шлендрая, домой вернется, нѣтъ того, чтобы ей, скажемъ, рубль, альбо хоть кофточку ношеную...—Спасибо, Анисья,—да больше и никакихъ. А у Анисьи-то и накипѣло. Тоже, душа есть! И какъ я женщина честная, и все по закону... Оять же,—какой такой дядя? Ты сама рыжая, а твой дядя почему—цыганъ?—Такъ и такъ!—говорю.—Ваша супруга, говорю, сударь, безъ васъ какого-то дядю выдумываетъ! А я чтобы на почтанъ! А онъ какъ хватится за бока!—Спятила, говоритъ, старуха! Змѣиный, говорить, языкъ у тебя!

Очень ужъ обидно! Какъ это—змѣиный языкъ! Я всегда была честная! Всегда по закону! Ужъ заплакала! А онъ этого самаго дядю-то и приведи съ собою. Кто-жъ его зналъ, что дѣйствительно родной дядя? А только развѣ я виновата? А они меня въ то же число!—Иди, говорятъ, и не показывайся! Какъ собакѣ трешницу швырнули, дворниковъ еще позвали... А я-то думала: мѣсяца три поживу. А они на пятый день выставили...

Оять Анисья роется въ тряпкахъ, ворчить подъ носъ.

— А студенты ходятъ?—освѣдомляется она.

— Какіе студенты?—недоумѣваетъ Маруся.

— А такіе! Конечно, который студентъ—у него денегъ нѣтъ!

Завсегда голь-шмоль. Ну, а женщинокъ любятъ, каторжные! А у которой мужъ рохля, а она сама въ соку. Ну, а тутъ студентъ и подсыпается! Да такимъ бѣсикомъ мелкимъ! Да такимъ сахаромъ-медовичемъ!—Ахъ, Агнія Николавна, какъ я васъ а-бажаю! Ахъ, Агничка, да какая вы прелестная дама! Ахъ, Агнія, если-бы ты у своего медвѣдя для меня десятку добыла!—А ему, студенту, десятка на что? Очень просто! Съ Агнии своей дурехи сорветъ, а самъ шастъ въ кондитерскую. А тамъ которая продавщица черноглазая! Извѣстно, талія въ рюмочку, на головѣ кудряшки!—Ну, мнѣ какое дѣло? Мои деньги, что-ли? Крутитесь вы себѣ хоть втроемъ, хоть вчетверомъ, моего дѣла нѣтъ! Я себѣ—кухарка! Я свое дѣло знаю! А только какъ разъ изъ-за паршивыхъ щипчиковъ катавасія началась... Очень они мнѣ нужны, подумаешь? Да за нихъ въ ломбардѣ и рубля не дадутъ! Ну, тутъ я и не выдержала!—Я, говорю, честная женщина! Мнѣ, говорю, чужого не надо! А что серебряные щипчики для сахара пропали, такъ, говорю,—очень просто, что въ той кондитерской они, куда вашъ Жоржикъ ваши десять цѣлковыхъ на той недѣлѣ продавщицѣ Женкѣ отнесъ! Конечно,—при мужѣ-то, при законномъ. Чтобы поняла она, Агнія эта самая! На, чувствуй!..

Помолчавъ немного, Анисья качаетъ головою и говорить:

— Только она, Агнія,—хитрая! Такъ своего рохлю обвела, такъ обкрутила! Веребочку изъ него въеть! Всему онъ вѣрить! А мнѣ—по шеѣ...

Разсѣянно оглядѣвъ кухонную посуду, Анисья дѣловито освѣдомляется у хозяйки:

— Пьеть?

— Кто?—удивляется Маруся.

— А вашъ-то! Законный! Поди, каждый вечеръ на карачкахъ!

— Вотъ ужъ нѣтъ!—возмущается Маруся.—Откуда это вы выдумали?

— Не пьеть?—недовѣрчиво качаетъ головою Анисья.—Тсъ, тсъ! Мужчина, а не пьеть? Н-ну, ну, такъ модистченку держать!

— Какую модистченку?

— А я почему знаю? Рыжую, черную! А можетъ, и двухъ сразу! Они, которые не пьютъ, они завсегда за модистками бѣгаютъ! Дома такой тихій, такой скромный. Прямо, живымъ на небо лѣзеть! А только шастъ изъ дому, и завьеть хвостъ крючечкомъ. Сейчасъ это—извозчика.—Не стой, погоняй! А то еще шинсанетка заведется! Сама тощая, морда крашенная!..

Маруся дѣлается жутко. Она безпомощно озирается. Анисья замѣчаетъ ея испугъ и подмигиваетъ:

— А вы, барыня, не пугайтесь! Держитесь за меня! Со мною не пропадете! Мы съ вами вашего тихоню-то въ три дня на свѣжую воду выведемъ! Вы только себя не выдавайте! Онъ, это, значить, распрощается, быдто на службу, а я попередь его шмыгну, да за нимъ на извозчикѣ слѣдомъ! Да къ дворнику, альбо къ швицару.—Такъ, моль, и такъ! Къ кому энтошь баринъ русявый шляется? Я, барыня, по этой части дока! Я, можетъ, не одного такъ-то приструнила! Опять же, можетъ, модистченки и нѣту. А только что дите незаконное—безпремѣнно! Ну, мы и это разслѣдуемъ! Тоже, какъ по закону!

Маруся, шатаясь, уходитъ изъ кухни, запирается въ своей комнатѣ, сидитъ, тупо глядя на улицу. Голубое небо кажется ей чернымъ. Уютная спальня напоминаетъ тюремную камеру. Воздуха не хватаетъ.

Звукъ громкихъ голосовъ выводитъ ее изъ оцѣпенѣнія. Голоса звучатъ на кухнѣ. Маруся изумленно подходитъ къ дверямъ и прислушивается. Она слышитъ слова новой кухарки:

— Ну, а я ей и говорю: держитесь за меня, барыня! Я, говорю, такой неправедности вѣкъ не поущу!

— Помогите мнѣ, говоритъ, родная Анисьюшка. Спасите, говоритъ, меня, дорогая! Какъ мой, говоритъ, Тихонъ Петровичъ, тихонюшка, безпремѣнно на сторонѣ модистку рыжую держитъ, а еще шинсанетку крашенную, а окромя всего—у него пара незаконныхъ! А я, говоритъ, сама не знаю, какъ съ этимъ справиться! То-ли, говоритъ, къ «дядѣ», который меня содержитъ, богатый, говоритъ, старичекъ такой, очень даже приличный,—то-ли студенту одному, который мнѣ дороже всего на свѣтѣ, можно сказать,—съ просьбою обратиться за помощью!

Маруся сначала ничего не понимаетъ. Потомъ кровь потокомъ бросается ей въ лицо. Она врывается въ кухню и не своимъ голосомъ кричитъ на Анисью:

— Вонъ, тварь!

Анисья всплескиваетъ руками и обращается къ сидящимъ на табуретахъ мальчишкѣ изъ зеленой, приказчику изъ молочной:

— Слыхали, люди добрые? Нѣтъ, вы слыхали?

Тѣ молча переглядываются. Приказчикъ, усмѣхаясь, поднимается съ табурета, беретъ бутылки.

— Вонъ какія дѣла!—горестно говоритъ Анисья.—То дружба такая, что ажъ-ажъ-ажъ!—Ты, говоритъ, Анисьюшка, мнѣ,—я, говоритъ, Анисьюшка, тебѣ! Какъ родныя, говоритъ, сестры!—Ты, говоритъ, иной разъ посторожишь, чтобы онъ, мужъ-то, не застучалъ! А я тебѣ—кофточку! Ну,—говоритъ, можетъ, какого кавалера интереснаго същешь! И тебѣ хорошо, и мнѣ...

Мальчишка зеленщикъ исчезаетъ за дверью, приказчикъ слѣдуетъ его примѣру. Маруся еще разъ не своимъ голосомъ кричитъ «вонъ!» и вихремъ уносится въ спальню. Полчаса спустя со двора съѣзжаетъ извозчикъ. На узлѣ съ тряпьемъ сидитъ красноносая Анисья и, размахивая руками, что-то громогласно объясняетъ дворнику, швейцару, городовому, торговцу яблоками, старьевщику-татарину, сосѣдней прачкѣ.

Маруся не выдерживаетъ и раскрываетъ форточку. Ей слышно:

— Развѣ теперь настоящіе господа бываютъ? Х-ха! Ты къ нимъ, какъ къ порядочнымъ, анъ, глядь,—сама-то раньше по желтому билету ходила, а самъ въ тюрьхѣ сто разовъ сидѣлъ. Опять же, будто мужъ да жена, моль, законные,—а сами вокругъ ракитоваго кусточка! А я честная женщина! Мнѣ моя совѣсть всего дороже! Я работать, какъ каторжная, согласна, а только чтобы къ тебѣ съ улицы хахалей приводить, нѣтъ моего согласія!..

Городовой съ каменнымъ лицомъ угрюмо говоритъ:

— Ну, ладно! Начальство разберетъ! А ты не скопляйся! Проѣзжай себѣ!..

И фигура Анисьи скрывается за ближайшимъ угломъ.

А. Волоховъ.

Письмо къ изящной дамѣ.

Соч. Петра Пильскаго.

Къ сожалѣнію, это такъ. Въ семнадцать лѣтъ мы еще вѣримъ въ вѣчность любви. Въ тридцать четыре ищемъ ея прочности. А когда стукнетъ пятьдесятъ одинъ, засеребрится голова и придетъ легкая усталость, намъ нужна уже не вѣчность и даже не прочность, потому что тогда мы начинаемъ искать въ любви покоя.

Впрочемъ, мой милый другъ, это приходитъ иногда гораздо раньше и во всякомъ случаѣ на долю мечты о вѣчности приходится самый пламенный, но и самый небольшой періодъ нашей измѣнчивой жизни,—короткая пора ея румяныхъ зорь.

Примиримся съ этимъ!

Но вы хотите «постоянства»... Это превосходно. Это прелестно, какъ всякая чистая мечта, однако, и вы знаете, что вѣчныхъ весень не бываетъ, что за ними идетъ лѣто, а послѣ него осень, предверіе той бѣлой смерти, которая въ природѣ называется «Зимой». Перестанемъ говорить о постоянствѣ и будемъ хлопотать о меньшемъ, но болѣе вѣрномъ.

О нашемъ *своевременномъ* уходѣ.

Лишь-бы онъ сумѣлъ быть такимъ же красивымъ, легкимъ и умнымъ, какой была любовь. Развѣ закаты не бываютъ прекраснѣй полдня? Мы съ вами могли-бы, пожалуй, пожелать еще одного, чтобъ между закатомъ и полднемъ не стояла послѣобѣденная сытая ложь измѣнъ и обмана, и только въ этой правдѣ заключается еще кое-какой намекъ на ту вѣчность, о которой вы сейчасъ мечтаете въ вашей милой виллѣ, гдѣ я не былъ такъ давно и такъ напрасно, въ чемъ чувствую себя виноватымъ... немного предъ вами, но гораздо больше предъ самимъ собой. О, какъ ошибаетесь вы, милый другъ, когда утверждаете, что непостоянство—удѣлъ карманныхъ душъ, жилетныхъ сердецъ и портативныхъ складныхъ и переносныхъ натуръ!

Сейчасъ вечеръ. На моемъ одинокомъ столѣ стоитъ вашъ портретъ и горитъ лампа подъ краснымъ, яркимъ и темнымъ абажуромъ и отъ нея падаетъ на эту бумагу прозрачный свѣтовой кругъ. Ради этихъ строкъ къ вамъ я готовъ отложить многія интересныя дѣла, книги и даже живое любопытство къ чужимъ письмамъ, хотя-бы самыхъ оригинальныхъ, самыхъ интересныхъ, самыхъ громадныхъ людей. Впрочемъ, всѣ письма одинаковы...

И теперь, когда я читаю, я думаю о васъ и улыбаюсь, вспоминая ваши искренніе парадоксы о любви, о счастьѣ, о вѣчности и о многомъ другомъ, къ чему всегда тянутся и будутъ тянуться изящныя души изящныхъ женщинъ, какъ вы. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы перечитать всѣ письма, всѣ записки, принадлежащія влюбленному перу большихъ, интересныхъ, почти громадныхъ людей, хотя-бы оставившихъ послѣ себя неизгладимый, глубочайшій слѣдъ въ литературѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, въ исторіи мысли, вы-бы удивились ихъ схожести и, быть можетъ, простотѣ.

Ахъ, какія это любопытныя страницы! Сколько искренности. Какія ласкательныя слова! Какая нѣжность была у Дидро! Какъ забавень былъ, на примѣръ, Гете!

Вы спрашиваете: «Должно быть, великія слова? Вѣроятно, обжигающія признанія?» Какъ разъ нѣтъ! Самыя обыкновенныя слова

и самыя заурядныя признанія. Иногда даже тривіальныя, и вамъ, напримѣръ, трудно будетъ повѣрить, что такія фразы, какъ: «Если-бы ты сейчасъ была со мной! Здѣсь повсюду огромныя, широкія кровати, и тебѣ не пришлось-бы сѣтовать, какъ иногда случается дома»...

Или: «Сегодня отослана корзинка съ ликеромъ и тючекъ бисквитовъ,—буду присылать постоянно что-нибудь въ хозяйствѣ»...

— что эти фразы принадлежали... мой милый другъ, не пеняйте на меня: онѣ писаны творцомъ «Фауста»! Что дѣлать, если онѣ были менѣ изящны и изысканы, чѣмъ мы съ Вами! Но если Вы думаете, что непостоянство и тривіальность—удѣль небольшихъ, Вы не только услышите тривіальность писемъ, но и увидите тривіальность дѣлъ, и маленькія справки въ этой книгѣ вамъ расскажутъ, что Дени Дидро, уже въ зрѣломъ возрастѣ, неудовлетворенный отношеніями съ женой, полюбилъ Софію Воланъ. Что женатый графъ Мирабо полюбилъ Софію Монье. А она была замужемъ, хотя-бы и за 70-лѣтнимъ старикомъ! Что Бенжамень Констанъ увлекся г-жей Рекамье и это послѣ m-me де-Сталь! А о непостоянствѣ Наполеона можно было-бы рассказывать сказки, если-бъ ихъ не превосходила дѣйствительность. Что Гейне увлекался всю свою жизнь, буквально до самой смерти, и такъ и умеръ влюбленнымъ, со словами признаній на устахъ,—признанія къ молодой К миллѣ Сельденъ. Что Байронъ разошелся съ женой изъ-за своей любви къ сводной сестрѣ, чтобы забыть и ее ради графини Гвичіоли... только что повѣнчавшейся! Что онъ развелъ ее съ мужемъ и былъ около нея цѣлыхъ... 5 лѣтъ!

Милый другъ, мало это или много? Что вы скажете мнѣ на это и—какъ отвѣтите на мой вопросъ?

Вы, затѣмъ, знаете, конечно, что женатый Гюго увлекся—и надолго—актрисой Друа, а она не была даже даровитой, и все ея обаяніе заключалось всего на всего... (мало это или много?) въ томъ, что она была красива!

Я улыбаюсь. Рука моя змѣбитъ эти строки, но душа моя, какъ и губы, и глаза, и все лицо—улыбаются. Это оттого, что я отсюда вижу, какъ вы начинаете сердиться, и еще потому, что знаю, какъ вы отвѣтите, или готовы отвѣтить мнѣ, т.-е. вспоминаю, какъ вы не разъ уже возражали мнѣ, когда рѣчь заходила объ этомъ безконечно-огромномъ, но и безконечно-неразрѣшимомъ вопросѣ.

— «Все это говорить,—шепчутъ ваши милыя губы,—только не въ вашу, мужскую, пользу и лить воду на нашу женскую мельницу».

Увы! Не на всякую! Охъ, далеко не на всякую! Ахъ, какъ я боюсь, что эта вода стечетъ на мельницы немногихъ, станетъ хвалою избраннѣйшихъ,—не великихъ, а просто красивыхъ и чистыхъ душъ, преданныхъ мечтѣ и отданныхъ эстетикѣ подвига, а не эстетикѣ увлеченій, т.-е. счетныхъ и такихъ рѣдкихъ, какъ бѣлыя вороны. Часто-ли видѣли вы ихъ?

А великія? А творческія? А души историческихъ женщинъ? Оставьте!

Прочтите письма госпожи Роланъ къ Бюзо, вспомните замужнюю г-жу Шарль, влюбленную въ Л мартина,—котораго она была старше,—и не говорите вашихъ словъ искренности и... неправды! А Жоржъ-Зндъ, разведшаяся съ мужемъ, увлекавшаяся Мюссе и влюбившаяся въ доктора Пагелло, который лечилъ этого самаго Мюссе отъ горячки! И т. д. И т. д.

Но и самъ Мюссе, если помните, не погибъ и не поникъ послѣ этой катастрофы, потому что и въ его жизнь, послѣ Зандъ, вошла молоденькая Эмэ Д'Альтонъ, а впоследствии и она вышла замужъ за... брата этого самаго талантливаго и нѣжнаго Альфреда Мюссе,— и пусть это вамъ докажетъ и еще одно: нѣтъ вѣчности въ любви, но не вѣчно и въ человѣкѣ родить и создаетъ любовь.

Талантъ, умъ, изысканность, трагическое духа и жизни, глубина, гений—все это хорошо, нужно и важно въ искусствѣ, въ трудѣ, въ жизни, въ исторіи. Но въ любви? Ахъ, мой другъ, это ничто, или почти ничто, и красавецъ, умница, гений Шекспиръ, право же, могъ бы быть промѣнянъ на любого коммивояжера, коммисіонера по продажѣ старыхъ кожъ, или писца транспортной конторы въ уѣздномъ городѣ!

Смѣю васъ въ этомъ увѣрить, а если-бы вы не повѣрили, то и убѣдить.

Развѣ не Стендаля промѣняла Кюриаль на другого, стоящаго гораздо ниже его, неинтереснаго и незамѣтнаго?!

Развѣ не Лассалья прогнала изъ своей жизни заурядная хвастунья Елена Деннигесъ—ради кого? Ради какого-то мелкаго авантюриста и третьестепеннаго музыканта?

Вспомните судьбы Пушкина, и Лермонтова, и Тургенева, котораго, кстати, напрасно называли «однолюбомъ», потому что, по крайней мѣрѣ, онъ былъ «трехлюбомъ».

Нѣтъ, мой далекій, мой изящный, мой нѣжный другъ, откажемся отъ сильныхъ словъ, зачеркнемъ въ нашемъ лексиконѣ и эту несуществующую «вѣчность», и это небывалое постоянство, и это «всегда» и также «никогда», потому что есть и чаще всего бываетъ — увы! — «иногда»!

Нѣтъ, милый другъ, намъ нужна не вѣчная любовь, а достойная любовь, послѣ которой остается ея прекрасное и, дѣйствительно, уже вѣчное наслѣдіе: наши воспоминанія. Это и чище, и выше, и долговѣчнѣй. Кромѣ того, наша память благороднѣй насъ самихъ и даже нашихъ порывовъ, и она, какъ холмъ, какъ надгробный мраморъ, какъ серебряный ангель, навсегда слетѣвшій на могилу умершей любви, и этого грустнаго, свѣтлаго ангела нашихъ воспоминаній не надо огорчать, и да не увидитъ никто его въ слезахъ.

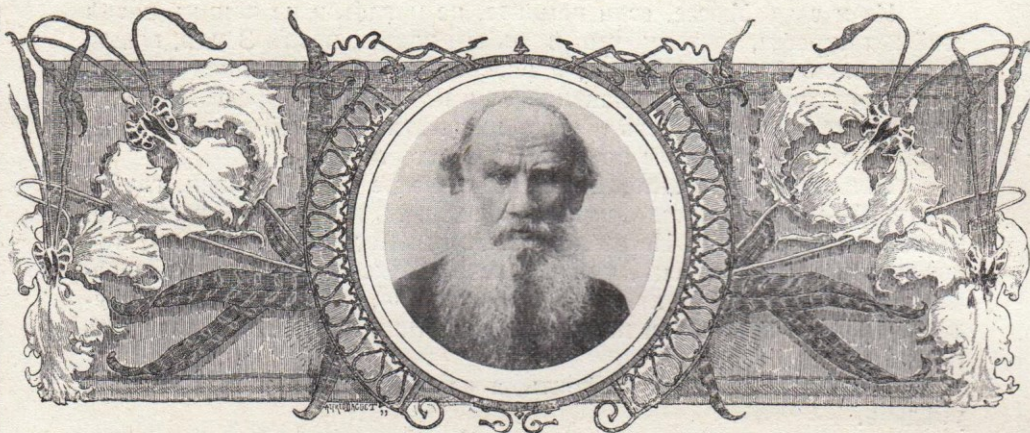
«Въ дѣтствѣ,—сознается Флоберъ,—и, конечно, женщинѣ, Луизѣ Коле!—въ дѣтствѣ я мечталъ о славѣ,—подобно всѣмъ,—ни болѣе, ни менѣ»... но... «фантазія меркнетъ, вдохновеніе гаснетъ, слова наскучили мнѣ самому, и если я храню написанное мной, то только потому, что люблю окружать себя воспоминаніями,—ради чего я не продаю даже моей старой одежды. Отъ времени до времени я отправляюсь взглянуть на нее въ чуланъ, гдѣ она хранится, и мечтаю о томъ времени, когда эта одежда была нова»...

Прощайте, мой свѣтлый другъ: я прощаюсь съ вами словами правды и желаю вамъ помнить наши часы и наши цвѣты, наши письма и слезы.

Весь вашъ моей памятью N.

Петръ Пильскій.

Из передуманнаго Л. Н. Толстымъ и Н. С. Лѣсковымъ.

*Посмертная рукопись, доставленная въ редакцію журнала „Пробужденіе“ .
П. Сергѣенко.*

**Перепечатка запрещается.
Редакція.**

Весною 1910 г. одинъ изъ друзей Л. Н. Толстого прислалъ въ Ясную Поляну рукопись, переписанную на пишущей машинѣ, съ собраніемъ афоризмовъ Н. С. Лѣскова.

Толстой началъ просматривать рукопись и съ первыхъ же строкъ чтенія загорѣлся необыкновеннымъ интересомъ. Нѣкоторыя мысли несказанно восхитили его. Онъ жадно читалъ рукопись и упивался ея содержаніемъ. Наконецъ, не выдержалъ и устремился съ драгоценной тетрадью, чтобы подѣлиться полученными сокровищами съ близкими людьми.

— Слушайте!—призывно возгласилъ Левъ Николаевичъ, входя въ такъ называемую «ремингтонную» комнату, гдѣ находились въ то время его дочери и В. О. Булгаковъ—секретарь Льва Николаевича.—Слушайте, какъ это хорошо!

И Л. Н. началъ съ увлеченіемъ читать:

«Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать ничего»...

«Если-бы Христось пришелъ теперь и отдалъ въ печать Евангеліе,—дамы постарались-бы получить Его автографъ и больше ничего»...

Но при чтеніи одного афоризма произошелъ неожиданный эпизодъ. Толстой прочелъ вслухъ:

«Правило: желать, сходясь съ людьми, чтобы они тебя унизили, оскорбили, поставили въ неловкое положеніе, а ты-бы былъ добръ къ нимъ»...

При этихъ словахъ голосъ у Льва Николаевича вдругъ пресѣкся. Онъ оборвалъ чтеніе и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Слезы душили его отъ волненія, вызваннаго претвореніемъ прочитанной мысли въ душевную эмоцію.

Через нѣкоторое время онъ, однако, вернулся въ «ремингтонную», овладѣвши собою, и снова началъ дѣлиться содержаніемъ драгоцѣнной рукописи, поминутно повторяя:

— Какъ это вѣрно! Какъ это глубоко!..

За обѣдомъ, и потомъ за вечернимъ чаемъ Л. Н. продолжалъ говорить съ особеннымъ одушевленіемъ о полученной рукописи и цитировалъ лѣсковскіе афоризмы.

Пріѣхали въ Ясную Поляну Стаховичи (сестра и братъ), потомъ еще гости. И со всѣми Л. Н. радостно дѣлился полученными имъ сокровищами. Одно только стало смущать его: что, можетъ быть, скоро придется расстаться съ драгоцѣнной рукописью и отослать ее. Заботливый В. Ѳ. Булгаковъ навелъ справки по этому поводу и получилъ отъ приславшаго рукопись извѣщеніе, что лѣсковскіе афоризмы предоставлены въ полное распоряженіе Льва Николаевича. Онъ былъ въ восхищеніи. Прошло нѣкоторое время.

Толстой, не переставая увлекаться лѣсковскими афоризмами, обратился съ просьбой къ своему любимому секретарю, чтобы тотъ выбралъ изъ драгоцѣнной тетради наиболѣе яркія и выдѣляющіяся по новизнѣ мысли по извѣстнымъ вопросамъ. В. Булгаковъ приступилъ къ осуществленію сдѣланнаго ему порученія. Но, послѣ внимательнаго ознакомленія съ рукописью, пришелъ къ неожиданному открытію: что большинство афоризмовъ, которыми такъ плѣнялся Левъ Николаевичъ, принадлежатъ не Лѣскову, а... Льву Николаевичу. Лѣсковъ же только собралъ и сгруппировалъ ихъ вмѣстѣ, пользуясь записями изъ бесѣдъ, писемъ и дневниковъ Толстого.

Когда В. Булгаковъ сказалъ Толстому о своемъ неожиданномъ открытіи, послѣдній отнесся къ этому совершенно спокойно. Точно Булгаковъ сообщилъ ему о самомъ обычномъ явленіи. И только черезъ нѣкоторое время, перелистывая рукопись съ афоризмами, собранными Лѣсковымъ, Л. Н. произнесъ съ особеннымъ чувствомъ:

— Я радуюсь, я узнаю свои мысли...

Такова, поистинѣ чудесная, исторія печатаемыхъ нынѣ задушевныхъ думъ, записанныхъ любящей рукою.

П. Сергѣенко.

1. Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать «ничего».
2. Если-бы Христосъ пришелъ и отдалъ въ печать Евангеліе, — дамы постарались-бы получить его автографы и больше ничего.
3. Великое горе не въ томъ, что люди живутъ не по совѣсти, но въ томъ, что они живутъ по чужой, не по своей совѣсти.
4. Если-бы дѣлать выписки, составились-бы тѣ книги, которыя нужны.
5. Правило: желать, сходясь съ людьми, чтобы они тебя унизили, оскорбили, поставили въ неловкое положеніе, а ты-бы былъ добръ къ нимъ.
6. Помнить всегда, что пашня посѣяна и на ней всходы (т.-е. нѣжныя условія чужого блага, которыя нельзя топтать. М.).
7. Соперничать съ мужиками—нужно меньше его проживать, если не можешь больше его работать.
8. Анархисты совѣмъ правы, только не въ насиліи.
9. (Въ спорахъ) надо учиться молчать. Главное, помнить его, собесѣдника, пользу. Помнить, что онъ—губка, въ которую хочу себя впитать...

10. Отъ грѣха—страданіе. Отъ страданія—разумѣніе. О отъ разумѣнія—любовь.

11. (Нужно) быть готовымъ прослыть дуракомъ, обманщикомъ, знать, что во всякомъ случаѣ это будетъ... Жить для Бога... Презирать сужденія людей.

12. Для леченія злыхъ людей необходимъ хлороформъ любви (чтобы не было больно).

13. Въ той мѣрѣ, въ какой человѣку нужны деньги, онъ не исполняетъ христіанскаго закона.

14. Злые люди для добрыхъ это то же, что навозъ для зерна.

15. (О своемъ изложеніи Еванг.). Много не понравилось. Много ненужныхъ натяжекъ (12 февр. 89 г.).

16. Средство служить людямъ одно—быть лучше.

17. Незнаніе—плодъ неясности не отъ незнанія многого, но отъ многого знанія. Возьми такъ назыв. Св. Писаніе все съ Библией. Боже, что за путаница въ сознаніи. Возьми Новый Заветъ съ посланіями—путаница большая. Возьми одно Евангеліе—ясность, возьми одно слово Христа изъ Еванг.—какой свѣтъ!

18. Самая бѣда это—компромиссъ, принимаемый за принципъ.

19. Я изъ глубины души достаю съ болью и страшнымъ трудомъ мысль; она замѣшивается въ милліоны такихъ же мыслей и теряетъ свое значеніе (а онъ не мысли, а подобія ихъ).

20. Многоописаніе есть бѣдствіе. Нужно установить обычай, чтобы позорно было печатать при жизни,—только послѣ смерти. Сколько осадку сѣло и какая пошла-бы чистая вода.

21. Методъ Христа есть по М. Арнольду Sweet reasonableness (любовная разумность).

22. Надо быть совершеннымъ, какъ Отець. Не только не робѣть отъ такой гордости, но робѣть отъ мысли о томъ, что можно забывать это.

23. Его (Бога) познаешь, когда ты въ любви. Любовь это Его сила, проходящая чрезъ тебя, поворачивайся такой стороною, чтобы она проходила черезъ тебя.

24. (Молитва) Обращеніе, слѣдовательно, вниманіе къ тому, къ самому святому въ себѣ, выдвиганіе его впередъ. Святое же во мнѣ есть святое и во всѣхъ, есть святое въ самомъ себѣ, есть Богъ. Молитва сильнѣйшее средство и единственное—вызывать въ себѣ лучшее, что есть, и приучать себя жить имъ.

25. Человѣкъ поклоняется Богу по своему подобію.

Богъ личный (которые чтутъ выше всего силу);

Богъ прославляемый (" " " " гордость);

Богъ искупленія (" " " " покаяніе);

Богъ самоотреченія (" " " самоотреченіе; Будда, Христосъ).

26. Нужда и страданія не отъ матеріальныхъ причинъ. Помогать нужно духовными дарами, одинаково нужными для бѣдныхъ и богатыхъ.

27. Въ наукѣ неправильно одно значеніе, которое ей придаютъ каждый ученый—справочная контора и ихъ трудъ—справочныя книги.

28. (Свобода—только для Святого: міръ для него перестаетъ быть тюрьмой Qental).

29. О предоставленіи Богу жить черезъ меня.

30. Были и есть милліоны, х. число Христовъ, Буддъ, дѣлавшихъ дѣло жизни: они остались намъ неизвѣстными, «но дѣломъ жизни они дошли до насъ и сдѣлали насъ».

31. Христось—Логось, разумѣніе, и онъ во всемъ... Надо, можно и должно жить такъ, чтобы быть Христомъ неизвѣстнымъ. Да имъ въ сущности и будешь всегда, т.-е. если ты святой, то ты будешь неизвѣстнымъ (т.-е. тебя не поймутъ).

32. Неподчиненіе Богу—единственный источникъ зла: «страдать и сомнѣваться можно только въ жизни, противной волѣ Бога».

33. Помни, что жизнь твоя есть только исполненіе воли Бога въ *чистотѣ, смиреніи и любви*.

34. Товары часто дешевы потому, что рабочій человѣкъ цѣнится дешево.

35. Не хвалить такъ же важно, какъ и не хулить. Ничто такъ не возбуждаетъ гнѣва.

36. Жизнь христіанская въ полномъ отреченіи отъ собственности, безопасности, слѣд., насилія.

37. Потребности—питаніе, половое чувство, общеніе съ людьми—переходятъ въ похоти (обжорство, развратъ, тщеславіе). Какъ избѣжать: постъ, чистота, смиреніе.

38. Молитва, которую напишу на ногтѣ: помни, что ты работникъ дѣла Божьяго.

39. Разрѣшеніе экономическихъ затрудненій для отдѣльнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы быть нужнымъ.

40. Удаленіе въ общину—грѣхъ, ошибка. Отдалить себя, чтобы не грязниться, есть величайшая нечистота.

41. Нужно одно—каждому приближаться къ идеалу по мѣрѣ свѣта.

42. Все надо дѣлать съ молитвой, съ мыслью о Богѣ и о Его волѣ.

43. Искусство, чтобы быть истиннымъ, должно производить доброе. А чтобы знать доброе, надо имѣть міросозерцаніе, вѣру. Признакъ истиннаго искусства: новое, ясное и искренно-доброе.

44. Чудная пословица: ослабѣетъ человѣкъ—слабѣй воды, окрѣпнетъ—крѣпче камня.

45. Наше дѣло—дѣло няньки—возрастить порученную намъ жизнь.

46. ...Вызывать передъ собою всѣ хорошія черты человѣка, когда имѣешь дѣло съ нимъ.

47. Единеніе достигается лишь тогда, когда ищутъ не единенія, а истины.

48. (Добро непосредственно не пересиливаетъ зла: жертва твоя принимается какъ должное). Н В. Подумать.

49. Нужда принуждаетъ къ труду и воздержанію, восполняя слабость личной воли. Почему опасно богатство—снимаетъ естеств. дисциплину.

50. Наслѣдственность: передается только матеріальное.

51. Куафертъ театральнй купилъ имѣніе, и ему въ ноги падаютъ мужики.

52. Человѣку, чтобы узнать зло, надо вкусить отъ плода его, учиться не мозгами, а боками.

53. Одного опыта мало—нужно и знаніе-разумѣніе.

54. (Буддисты). Всякій грѣхъ отъ незнанія, а гнѣвъ уже навѣрное.

55. Главное... знать, что несемъ крестъ, и нести любя; работа безъ охоты становится мучительной.

56. Чтобы не было жестокаго неравенства, которое составляетъ нашу язву... Надо отказаться отъ роскоши и цивилизаціи, будучи готовымъ устроить ее завтра же, только общую и равную. VII. 89.

57. Чтобы понять и сказать истину, надо каяться.

58. Крестъ жизни—тяжесть, но посылаемый отъ Бога не мучителенъ, какъ пудъ муки, несомый для своей семьи.

59. Движеніе жизни ~~~~~, прямая ————— путь Христовъ.

60. *Чистота*—въ животной твоей жизни (лишенія).

Смиреніе—въ человѣческой (униженіе).

Любовь—въ божеской (вражда).

61. (Составленіе символа вѣры есть обреченіе себя на сектанство: символы не соединяють, а *разъединяють*).

62. Вѣрно, что ни одно мое усиліе для Бога не пропадетъ.

63. Я горькимъ опытомъ узналъ, что Царство Божіе не придетъ, сели не достигать его любовью.

64. Какъ Брюловъ въ *чуть-чуть* измѣнилъ въ картинѣ и все стало другое. Все искусство въ «чуть-чуть» и добрая жизнь тамъ, гдѣ «чуть-чуть».

65. Любить можно только, подставляя щеку, только тѣхъ, которые бьютъ. И потому, чтобы имѣть счастье любить, надо, чтобы тебя били.

66. Десять грѣховъ по Буддѣ:

3 тѣлесныхъ: { убійство,
воровство,
похоть;

4 словесныхъ: { двуязычіе,
клевета,
ложь,
лесть;

3 умственныхъ: { зависть,
гнѣвъ,
обманъ.

67. *Worlds-advance thought*.—Смерть есть пробужденіе отъ заблужденія въ реальности матеріальной жизни.

68. Люди въ глубинѣ души всегда знаютъ, что хорошо и что дурно.

69. Морякъ въ опредѣленіи пути руководится не внѣшнимъ міромъ, а крошечной компасной стрѣлкой внутри корабля. Аналогія съ совѣстью.

70. Всѣ горести, непріятности—искушенія.

71. Жить передъ Богомъ, а не передъ людьми. Всѣ дѣла всегда переводить въ эту «высшую инстанцію».

72. Искусство есть выраженіе новаго содержанія (через не подражаніе, а какъ зѣвотой).

73. Если, дѣлая доброе дѣло, самъ чувствуешь вражду или вызываешь у другихъ враждебное чувство—остановись: значить, ты еще не умѣешь дѣлать то дѣло, за которое взялся.

74. Всѣ мы съ годами дѣлаемся божественнѣе.

75. Нужно не противиться злу, а гибнуть во имя истины самому.

76. Нельзя сказать—какое состояніе: здоровое или больное болѣе удобно для служенія Богу и людямъ.

77. Надо быть юрдивимъ и въ писаніи, т.-е. не заботиться особенно объ отдѣлкѣ внѣшней.

78. Научи меня, Отецъ, поступать, какъ Ты: жалѣть, дѣлать и ждать.

79. Если-бы не было группъ, хоть семьи, гдѣ люди работаютъ для другихъ, то люди не могли-бы жить.

80. Наивыгоднѣйшее устройство всѣхъ получится, когда каждый отъ сердца скажетъ: блаженны нищіе, блаженны плачущіе, гонимые... Когда будутъ искать блага духовнаго, совпадающаго съ жертвой, провѣряемаго жертвой.

81. Лучшаго экономическаго устройства, чѣмъ теперь,—не можетъ быть—пока цѣль людей есть личное благо. (М. не согласенъ: благо будетъ всегда личное,—только нужно его облагородить, сдѣлать духовнымъ).

82. При стремленіи къ личному благу не достигается ни личное благо, ни общее. При стремленіи къ самоотреченію достигается и личное, и общее.

83. Душа—виноградная лоза, тѣло—колья, которые поддерживаютъ ее. У насъ все вниманіе на культуру кольевъ,—виноградъ гложетъ.

84. Толстой требуетъ не установленія Царства Божія на землѣ, а установленія этого Царства внутри насъ, 1-е есть внѣшняя цѣль и, какъ всякое внѣшнее дѣло, отвлекаетъ отъ внутренняго—есть родъ пьянства. Жить только для спасенія души.

85. Богъ не сердится, не огорчается, не ослабѣваетъ, а все тотъ же добрый, радостный и всемогущій. Таковъ долженъ быть и я.

86. Жить въ исполненіи воли Бога. Но она вся—тайна—иначе жизнь была-бы конченой. Но есть признаки, когда мы поступаемъ по волѣ Бога и когда нѣтъ. «Какъ для лошади, которую вожжи пускаютъ идти только въ одномъ направленіи».

87. NB. Если испытываешь полную свободу, ничѣмъ ненарушаемую, то живешь по волѣ Бога.

88. Если не чувствуешь враждебности ни къ кому и знаешь, что къ тебѣ не чувствуютъ, ты въ волѣ Бога.

89. Хозяинъ воротитъ лошадь съ шоссе въ грязь—лошадь упирается, не зная, что хозяинъ, жалѣя ее, ѣдетъ на постоянный дворъ, чтобы сложить часть тяжести, и ждетъ приплода отъ нея.

90. Радоваться! Радоваться! Начинаніе жизни—радость. Радуйся на небо, на солнце, на звѣзды, на траву, деревья, животныхъ, людей. Нарушается эта радость—значитъ ты ошибся гдѣ-нибудь, ищи эту ошибку и исправляй. Нарушается эта радость чаще всего корыстью, честолюбіемъ. И то, и другое удовлетворяется трудами. Избѣгай труда для себя, мучительнаго, тяжелаго труда. Дѣятельность для другого не есть трудъ. Будьте, какъ дѣти, радуйтесь всегда. Трудъ скорѣе порокъ, чѣмъ добродѣтель. «Христосъ не трудился».

(Продолженіе въ слѣд. №).

Духъ времени.

Очеркъ Н. Степаненко.

«Единеніе всѣхъ живыхъ силъ страны»,—вотъ лозунгъ, который звучитъ все сильнѣе и сильнѣе, требуетъ удовлетворенія и все крѣпче, все настойчивѣе захватываетъ не одну волю, но и желанія и стремленія народа.

И чѣмъ дальше уходитъ время, тѣмъ больше имѣетъ приверженцевъ.

Рвутся ржавыя цѣпи отжившаго стараго строя, порывается связь съ прошлымъ.

Даже тѣ, которые крѣпко держались за основу этого строя, видѣли въ немъ спасеніе, возлагали надежды,—даже и они отшатнулись отъ него, и только теперь, только сейчасъ познали, что стоять на одномъ мѣстѣ живому человѣку нельзя, что это не только не соотвѣтствуетъ кореннымъ условіямъ жизни, но и противно природѣ человѣка.

Полѣвѣли правые блоки въ Государственной Думѣ, реакціонеры перешли на сторону прогрессистовъ.

Но это далеко не все. Государственная Дума слишкомъ ничтожная частичка того огромнаго цѣлага, которое вмѣщаетъ въ себя русскій народъ...

Чаянія и вздохи и печали русскаго народа, несущіеся изъ глубины его души, отъ всего сердца его—мягкаго и любвеобильнаго,—не сокрыты, не зарыты въ землю,—всѣ они, почти всѣ цѣликомъ, выступаютъ наружу..

Въ городскихъ думахъ, въ земскихъ собраніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ, на сельскихъ сходахъ, въ сборныхъ избахъ, на папертяхъ церквей и на шумливыхъ базарахъ—всюду и вездѣ одно и то же.

Однѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же чувства, желанія.

Такого объединенія, такого дружнаго оплота и натиска русская исторія еще не знаетъ.

И нельзя не согласиться, что руководящая роль въ движеніяхъ и порывахъ русскаго народа и самый стимуль,—это и есть то сознательное отношеніе къ жизни, къ ея запросамъ, которое выросло и окрѣпло въ понятіяхъ русскаго народа, вылилось въ послѣднее время въ конкретную, въ болѣе или менѣе прочную и устойчивую форму.

Въ знаменательный 1905 годъ народъ кричалъ:—Земли, земли, земли!..

Крикъ его былъ порывчатый, мало сознательный. Теперь—не то.

Въ настоящее время нѣтъ крика, нѣтъ безудержныхъ требованій,—есть только разумныя желанія.

И всѣ они сводятся не къ личному благополучію, какъ требованія 1905 года: земли, земли... а къ общему—общественному.

Одинъ авторъ письма обращается съ воззваніемъ къ «русскимъ патриотамъ» отдать «золото и золотыя вещи» на нужды и потребности переживаемаго времени.

Другой уговариваетъ иноковъ: «Вспомните и вы, отцы-иноки, подвиги иноковъ Троицкой лавры, но сейчасъ отъ васъ не требуется, чтобы вы грудью отстаивали родную страну, а лишь просить возвратить правительству золото, если оно имѣется у братіи и монастырей».

Третій выражаетъ пожеланіе, чтобы не остались безъ обложенія предметы роскоши и забавы...

Всѣхъ пожеланій не перечестъ: такъ много ихъ, въ такомъ изобиліи рождаются они въ сердцахъ и мысляхъ русскаго человѣка.

Даже такой органъ, какъ «Московскія Вѣдомости», не чужды пожеланій и уже выразили порицаніе монашествующимъ, въ лицѣ архіереевъ, за ихъ пассивное отношеніе къ нуждамъ переживаемаго времени,—выставили на видъ ихъ обширные пустыющіе «покои».

Мастеровые и рабочіе, хлѣбопашцы, профессора и ассенизаторы, поэты и извозчики, литераторы и городской пролетаріатъ—у всѣхъ однѣ мысли, одни желанія.

Дѣятельность нужна... Уничтожьте препятствія для общественной дѣятельности.

Но еще болѣе необходимы энергія, та сила духа, которая рождаетъ красоту жизни и о которой Достоевскій сказалъ, что она «спасетъ міръ».

Отъ насъ она стоитъ уже не далеко, мы приближаемся къ ней.

Звучатъ бодрія слова, призывнымъ крикомъ несутся они:

— «Довольно обмановъ, довольно губящей лжи! Мы хотимъ правды, чтобы помочь, спасти».

Так говорилъ въ Орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи одинъ изъ лучшихъ его представителей—М. А. Стаховичъ.

Какъ же найти ее—правду, какъ достигнуть того, чтобы ложь исчезла. Въ одиночку правды не найти,—единеніе нужно, нужна тѣсная и неразрывная сплоченность.

Слишкомъ полвѣка тому назадъ гр. А. К. Толстой восклицалъ:

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати-ли
Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
Много-ли васъ остается, мечтатели?
Сдайтесь же натиску новаго времени!
Миръ отрезвился, прошли увлеченія—
Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
Противъ теченія...

Чѣмъ-то пророческимъ вѣетъ отъ этихъ словъ, чѣмъ-то такимъ, въ чѣмъ порывъ и стремленіе и надежда въ лучшее будущее.

И не даромъ Костомаровъ говоритъ: «Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и трудъ».

Въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ при избраніи членовъ въ Государственный Совѣтъ отъ земства предсѣдательствующими пренія на политическія темы не допускались. Но и безъ словъ мысли и желанія были ясны до очевидности, до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, когда молчаніе лучше и понятнѣе всякихъ словъ.

Въ Екатеринбургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, гдѣ рѣчи не были допущены, избраніе бывшаго депутата П. В. Каменскаго только закрѣпило и утвердило то соглашеніе, которое состоялось между прогрессивными группами Государственной Думы и Совѣта.

Простую, но характерную рѣчь, вполне отвѣчающую духу времени, сказала гласный Вятскаго губернскаго земскаго собранія г. Ленъковъ. «Я, представитель трудового народа,—сказалъ онъ, между прочимъ,—считаю себя обязаннымъ присоединиться къ этимъ резолюціямъ (извѣстнымъ резолюціямъ московскихъ съѣздовъ). Если вы, господа, чувствуете себя не русскими людьми, не членами собранія, а чиновниками, то ваше дѣло не присоединяться къ резолюціямъ».

Въ Саратовѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ—всюду прошли люди прогрессивнаго образа мыслей.

Въ Черниговѣ избранъ бывший предсѣдатель губернской земской управы г. Савицкій, на котораго въ свое время было такъ много гоненій въ бытность губернаторомъ Н. А. Маклакова. И этимъ земцы дали отвѣдъ бывшему «хозяину губерніи», оставившему послѣ себя недобрую память своей системой управленія.

Выборы отъ академіи наукъ и университетовъ дали также вполне благоприятные результаты. Отъ академіи наукъ избранъ академикъ В. И. Вернадскій, въ третій разъ избираемый членомъ Государственнаго Совѣта, отъ университетовъ—проф. А. В. Васильевъ, бывший членъ первой Государственной Думы. Оба избранника принадлежать къ партіи народной свободы.

То, что раньше казалось невозможнымъ, теперь вылилось во всей широтѣ и искренности желаній.

Духъ времени пронесся мягкой волной и своимъ дыханіемъ одинаково захватилъ и верхи и низы общества.

И какъ бы горизонты ни закрывались маревомъ душныхъ налетовъ, какія бы густыя и черныя тучи ни бродили и ни нависали надъ землей,—все же живемъ мы въ эпоху великихъ переживаній.

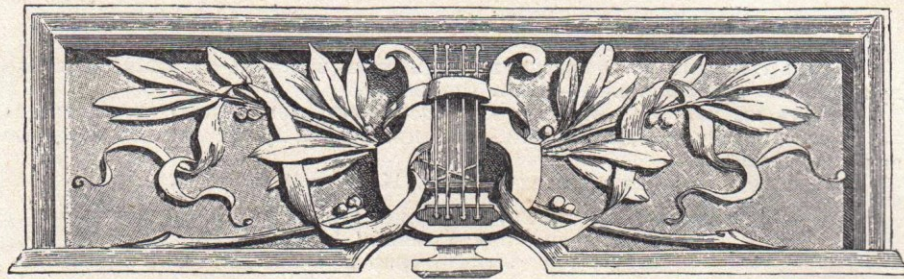
Разорвутся тучи—и блеснетъ солнце; еще немного усилія—и откроются горизонты—свѣтлые, какъ утро майскаго дня, отрадныя и манящія.

Не могутъ же открыться они,—духъ времени витаетъ надъ нами.

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею!
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечно!
Вѣрю въ наше святое значеніе.
Мы же возбудимъ теченіе вѣтрѣнное
Противъ теченія...

Н. Степаненко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ двадцать второй.

	Стр.
1) Цвѣты на окнѣ. 2) Тишина. Стихотворенія Вал. Катаева	717
Заря. Стихотвореніе И. Мукосѣева	718
Гадъ. Разсказъ А. И. Куприна	719
Передъ зарей. Стихотвореніе Ал. Санковскаго	728
Красный холмъ. Разсказъ Ал. Богданова	729
Вѣнокъ. Стихотвореніе А. Палѣя	734
Прислуга. Разсказъ А. Волохова	735
Письмо къ изящной дамѣ. Сочиненіе П. М. Пильскаго	739
Изъ передуманнаго Л. Н. Толстымъ и Н. С. Лѣсковымъ. Новая псмертная рукопись, доставленная редакціи П. Сергѣенко	742
Духъ времени. Очеркъ Н. Степаненко	748

КАРИНЫ: 1) **Около кузницы.** Картина въ краскахъ А. Венделя. 2) **Помогите!** Автотипія съ картины Морлона.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ЯПОНСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Редакція журнала „Пробужденіе“ проситъ Г.г. подписчиковъ, желающихъ получать журналъ въ **1916** году, озаботиться взносомъ денегъ **не позднѣе 15-го сего Декабря**, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, вслѣдствіе возрастающаго съ каждымъ годомъ громаднаго количества подписчиковъ и весьма сложнаго труднаго изготовленія адресовъ, согласно съ почтовыми правилами, контора редакціи за своевременную доставку **первыхъ** номеровъ не отвѣчаетъ.

Помѣщая объявленіе о подпискѣ на журналъ „Пробужденіе“ на 1916 годъ, редакція проситъ читателей обратить особенное вниманіе на то, что этотъ годъ является **выдающимся по цѣнности многочисленныхъ роскошныхъ, художественныхъ премій**, доказывающихъ, что въ переживаемое тяжелое время войны и непомярнаго вздорожанія всѣхъ матеріаловъ для ихъ воспроизведенія, издательство журнала, преслѣдуя только одну цѣль **возможно большаго распространенія журнала**, въ 1916 году **совершенно отказывается отъ какой-либо чистой прибыли.**

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

1916 г.

ЧУДНЫЙ, ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ!

Открыта подписка на 1916 г. на единственный въ Россіи
Роскошный художественный журналъ для дѣтей
избранныхъ произведеній дѣтской литературы,
съ великопѣльными картинами въ краскахъ

ЖАВОРОНОКЪ

съ приложеніемъ 60-ти книжекъ, необходимыхъ для дѣтей.
участвуютъ выдающіеся русскіе писатели.
IV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

Дѣтскія книжки, игры, развлечения, занятія,
картины для раскрашиванія, ноты, вырѣзные
модели для склеиванія игрушекъ, научныхъ по-
собій, украшеній для елки и друг.

Подписавшіеся на 1916 г. получаютъ, ежемѣсячно 1-го числа:

12 роскошно иллюстрир.
Выпусковъ Литератур-
наго и Научнаго журнала
для дѣтей, въ изящныхъ
обложкахъ съ картинами
въ краскахъ.

12 подарковъ дѣтямъ:
картины, модели для вы-
рѣзыванія и склеиванія,
рисунки для раскраши-
ванія, ноты и др.

60 книжекъ энциклопедическаго словаря

60 знаменитые люди міра **600**
въ портретахъ и характеристикахъ

книжекъ **ШЕСТЬСОТЪ ПОРТРЕТОВЪ** портретовъ
и краткихъ очерковъ для ознакомленія дѣтей:

Поэтовъ, Художниковъ, Скульпторовъ, Ученыхъ,
Писателей, Композиторовъ, Полководцевъ, Артистовъ,
Мыслителей, Изобрѣтателей, Путешественниковъ,
а также выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

100 художественныхъ картинъ для дѣтей **100**
Извѣстныхъ Европейскихъ художниковъ,
въ шести выпускахъ, альбомами, отпечатанныхъ
разнаго цвѣта красками.

Подписная цѣна: На годъ 6 руб.; на полгода 3 р.; на 4 мѣс. 2 руб.
Пробный № высылается за 40 коп. марками.
Изданіе редакціи журнала „Пробужденіе“.
ПЕТРОГРАДЪ, Редакція журнала „Жаворонокъ“, Суворовскій,
просп. собств. д. Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

226191/881

1916 г.

11-ый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедельный, единственный въ Россіи
Художественно-Литературный и научный журналъ
съ роскошными картинами въ краскахъ,
орнаментами, тисненіемъ и стильными украшеніями

ПРОБУЖДЕНІЕ

□ □ □ При каждомъ № приложеніа инигъ. □ □ □
Ежемесячно цѣнныя художественныя преміи.
— Громадная галлерей картинъ въ краскахъ. —
ПОДПИСАВШЕСЯ НА 1916 ГОДЪ ПОЛУЧАТЪ:

24 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА
по образцу рѣдкихъ въ
Европѣ многокрасочныхъ
художественныхъ изданій.

50 КАРТИНЪ: въ краскахъ,
автотипии, фототипии,
и олеографіи и др. »

24 КНИГИ: романы извѣстн. русскихъ писателей **24**

12 роскошныхъ декоративныхъ премій:

ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
Альбомъ Картинъ-Папье
въ краскахъ, въ акварельной папкѣ.

ИЗЯЩНЫЙ БЛОКЪ-НОТЪ
для кабинета, крытый атласомъ,
съ барельефомъ Гр. Л. Н. Толстого

КРАСИВЫЙ БОЛЬШОЙ БЮВАРЪ
— для письменнаго стола —
съ орнаментами на изящныхъ крышкахъ.

АЛЬБОМЪ для ГОСТИНОЙ,
для стихотвореній и автографовъ
знакомыхъ, съ многокрасочными
украшеніями, въ неподражаемой
по красотѣ папкѣ.

для ПОРТРЕТОВЪ ФОТОГРАФИИ
роскошный семейный альбомъ, укра-
шенный рельефными гирляндами гли-
циній, акаци, на лакированномъ подъ
— черное дерево переплетѣ.

ЧЕТЫРЕ СТѢННЫХЪ КАРТИНЫ
въ золотыхъ багетныхъ ра-
МАХЪ изъ папье-маше. Первая мо-
дели превосходнѣйшей имитациіа ба-
гетныхъ рамъ.

2 ДВА БОЛЬШИХЪ ЛѢСНЫХЪ ПЕЙЗАЖА, **2**
чарующихъ дивною гармоніей красокъ.

1. Утро въ лѣсу. 2. Лѣсная сумерки.

Популяренъ художника А. КАУФМАНА. Размѣръ картинъ 73x31 сантиметръ.

НЕБЫВАЛАЯ въ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІА:
РОСКОШНАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА на холстѣ,
воспроизведенная масляными красками, полная поэзія

Первыя Гроздья Сирени.

Извѣстн. художн. ГАРТВИГА. ◀ ◁ Размѣръ картины 52x35 сантиметръ.
Работы поставщ. Дв. Его Императорскаго Велич. Р. Голицы и А. Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 10 руб.; на полгода 5 руб.;
Разсрочка платежа: При подпискѣ 3 руб., въ мартѣ 2 руб.,
въ іюнѣ 3 руб., въ сентябрѣ 2 руб.

Пробныя № высылаются за 40 коп. почт. мартами.
Редакция журнала „Пробужденіе“, ПЕТРОГРАДЪ,
Суворовскій пр., собств. домъ, 41.

Редакторъ-Издатель **И. В. КОРЕЦКІЙ.**

Продолжается подписка на журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ на 2-е
полугодіе 1915 года.

Подписная цѣна 5 руб., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к.

Комплекты журнала „Пробужденіе“ за 1-е полугодіе всѣ разошлись по подпискѣ.